

Они разные,
но у них есть
общий секрет...

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЭРИ
РОЙС

Отец подруги
купил меня

Мэри Ройс

Отец подруги купил меня

«Автор»

2021

Ройс М.

Отец подруги купил меня / М. Ройс — «Автор», 2021

— Та ночь ничего не значит! Прошу вас! Прекратите! Ваша дочь зайдёт в любую сек... — запинаясь, когда сильные мужские руки грубо сжимают мою талию, но продолжаю обреченно шептать, уткнувшись лбом в крепкое плечо. — Не могу я, Ася моя подруга. Не поймёт она. Прошу, уходите... Я не хочу вас. Подбородок вспыхивает от жара его пальцев, прежде чем мужчина заставляет посмотреть ему в лицо.— Тебя хочу я. — Его губы слишком близко. — Этого достаточно, — выдыхает и забирает мой невысказанный протест жадным поцелуем. Я встретила мужчину, рядом с которым не в силах сдерживать свои желания. Он порок для меня. Слишком взрослый. Слишком опасный и грубый. Но я была готова позволить ему все, пока не узнала, что он отец моей лучшей подруги. Вот только остановит ли это кого-нибудь из нас? Содержит нецензурную брань.

© Ройс М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
1	10
2	13
3	19
4	22
5	25
6	28
7	31
8	33
9	36
10	39
11	42
12	45
13	47
14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мэри Ройс

Отец подруги купил меня

Пролог

Тишину нарушает слабый стук в дверь, после которого на пороге появляется молодая девушка. Прищурившись, сминаю губами сигару и оценивающим взглядом изучаю приближающийся объект.

Даже в красном сумраке VIP-комнаты мне удается разглядеть идеальную фарфоровую белизну кожи и маленькую грудь с аккуратными выразительными сосками. Ведь единственное, что скрывает ее наготу, – это пара полупрозрачных тряпок.

Длинные, слегка вьющиеся волосы цвета меда каскадом перекинуты через плечо, а худенькие ноги на высоких каблуках кажутся бесконечными. Но мой явный азарт возрастает при виде лица незнакомки, скрытого за латексной маской зайца. Из-за нее я не могу полностью увидеть лицо девушки, потому что в ее анкете было оговорено обязательное условие: сохранение полной анонимности.

У единственной из клубной карты.

Именно это распалило мой интерес. Именно поэтому я выбрал данный экземпляр.

Меня всегда привлекали сложные женские натуры. Хотя за ту сумму, которую я заплатил, имею полное право сорвать с нее эту чертову маску вместе с идеальной кожей.

В какой-то момент я даже чувствую злость от того, с какой легкостью эта девушка завладевает моим вниманием. Поэтому напоминаю себе, что она просто тело, за которое я заплатил, прежде чем, откинувшись на спинку дивана, продолжить следить за ее робкими шагами и чересчур стройной фигурой.

Позволяю уголку губ подняться в подобие ухмылки, когда незнакомка покорно опускается передо мной на колени и замирает в бездействии. Она напряжена и едва дышит. Восхитительные пухлые губы крепко сжаты. Черт возьми, ее всю трясет.

За такие бабки они предлагают трахать зажатое бревно?

Однако не в силах противиться своему интересу, что уже без спроса увлекает меня в глубину ее бездонных карих омутов, я сохраняю тишину, заполняя воздух горьким дымом и наблюдая за притихшей у моих ног мышкой.

Блядь, ее покорность и робкий, направленный на меня взгляд вынуждает поток крови ударить в пах и опалить кожу возбуждением. Я гребаный извращенец, а в подтверждение тому мой член дергается, когда я замечаю необычные родинки на тонкой шее, три небольшие точки образуют фигуру, похожую на треугольник. И где-то я их уже видел.

Потушив сигару, сжимаю челюсти и склоняюсь прямо к милovidному лицу, скрытому под плотной маской, еще больше убеждаясь в том, что эта девушка явно не шлюха. Ее волнение слишком заметно, и я не упускаю из вида то, как сама не осознавая того, она увеличивает между нами дистанцию, прежде чем опустить свой взгляд в пол. Но я жестко хватаю ее за подбородок, заставляя поднять голову, из-за чего прекрасные глаза наполняются страхом. Теперь я иначе смотрю на девушку. А на место возбуждению приходит осознанная злость.

Большим пальцем надавливаю на манящие губы и вырываю из ее рта шумный выдох, после чего притягиваю соблазнительницу ближе и носом провожу по нежной коже, вновь перемещая взгляд на эти гребанные родинки в виде треугольника. Где же я мог их видеть... нет, скорее всего ошибаюсь, это не может быть она.

– Новенькая? – Алчно вдыхаю новую порцию одурманивающего запаха ванили. – От тебя пахнет чистотой, откуда ты здесь? – слыша холод в моем тоне, девушка нервно облизывает губы, снова привлекая к ним мое внимание.

Молчит.

– Я хочу знать, что ты здесь делаешь?

Снова тишина.

– Свободна. – Небрежно выпускаю ее лицо и, поднявшись на ноги, уже хочу уйти, но ощущаю, как тонкие пальцы крепко цепляются за мои джинсы.

– Прошу, не уходите... Я... Я... сделаю все, что скажите. – Молит тонким соблазнительным голосом, еще больше вызывая во мне нездоровый интерес.

Стоя на коленях, девушка поднимает на меня растерянный взгляд безвольной куклы, и по непонятной мне причине я останавливаюсь. Твою мать! Накрывает меня своей покорностью, словно стихийное бедствие, ломая к херам собачьим мою выдержку.

Трясется вся, умоляя бездонными глазами, только вот о чём? Явно не в рот вставить...

– Поднимайся.

Девушка незамедлительно выполняет приказ, с помощью моей руки принимая вертикальное положение, и лишь сейчас, возвышаясь над ней, я замечаю, насколько она миниатюрная. Беззащитная. Дюймовочка. Только вот какого хрена эта дюймовочка делает в блюдожнике. Но это я выясню позже.

Взяв со стола бутылку виски, наливаю алкоголь в стакан.

– Садись, – кивком указываю ей на место, и она аккуратно перебирается с пола на диван. – Выпей, – протягиваю напиток.

– Я не пью, – говорит так робко, что я чувствую себя конченным гандоном.

– Сегодня сделаешь исключение.

После этих слов она сама проявляет инициативу, и, как мне кажется, с вызовом в глазах берет из моих рук алкоголь, быстро делая небольшой глоток. Однако кашель умиряет ее смелый порыв, и она резко отодвигает стакан, прижимая тыльную сторону ладони ко рту. Жмурится, едва сдерживая слезы, но ей это удается.

Проморгавшись, девушка гасит отголоски приступа кашля, шумно втянув носом воздух, а потом опускает стакан на стол.

Надеюсь, это поможет ей немного расслабиться.

– Зовут тебя как? – присаживаюсь рядом, не выпуская из вида ни единого движения ее прекрасного тела, пока девушка демонстративно игнорирует мое присутствие, смотря прямо перед собой. Проклятье, что я делаю? Она слишком молода для меня.

– Бантик, – так тихо, что вопреки необъяснимой злости, в моей крови вспыхивает желание.

– Меня не интересует прозвище клуба, я хочу знать настоящее имя.

– Я здесь в первый и последний раз, – слышу в ее голосе нотки нервозности и в подтверждение тому вижу, как она дрожащими пальцами сжимает колени. – Я бы предпочла не называть своего имени.

Издаю гортанный звук. Первый и последний раз? Ее наивность не знает границ. Из таких мест так легко не уходят. Это гребаное болото и она уже тонет в нем.

– Тогда расскажи мне, Бантик, – она резко втягивает воздух, когда я подаюсь в ее сторону и, положив ладонь на шею, поворачиваю лицом к себе, – какого черта ты здесь делаешь?

– Какое вам дело? – огрызается, случайно показывая свои зубки, но тут же прячет их. Только уже поздно.

Это открытие волной жара бьет мне в пах.

Маленькая бунтарка.

Правда, я и сам не пойму, какое мне до этого дело. Я пришел сюда спустить пар, а в итоге напряжение разрывает яйца, пока я проявляю чертово благородство. Никому здесь не нужно.

– Простите, – после недолгой паузы шепчет она, спрятав глаза под черными ресницами. – Это же очевидно, почему я здесь. – Девушка на секунду прикусывает нижнюю губу и, черт подери, я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не впитаться в ее рот голодным поцелуем. – Мне нужны деньги.

Я не хотел этого слышать. Не хотел, чтобы эта девушка была одной из них. Почему, блядь?

– По-твоему, это гуманный способ их заработать? – мое раздражение никак не может заткнуться, и я убираю руку с хрупкой шеи, чтобы не переломить ее. – Зачем тебе деньги?

Карие глаза девушки расширяются. Проклятье, мне нужно остановить свои властные замашки.

– Учеба. – Бунтарка немного смелеет и пронзает меня глубиной своих глаз. – Я хочу попасть в престижный универ. Получить хорошее образование, а потом уехать отсюда и начать жизнь с чистого листа.

– Новую жизнь хочешь, значит?! — провожу языком по зубам, качая головой в такт своим словам. – А твой кукольный мозг задумывался о том, какие уроды сюда приходят? Ты знаешь, как они обращаются с местным товаром?

– А чем вы отличаетесь от... них? – выпаливает, запинаясь в конце.

Под звук собственного стога взъерошиваю пальцами волосы.

– Тем, что вместо того, чтобы отодрать тебя во все дыры, разговариваю с тобой.

С ее губ срывается беззвучный вздох. Черт подери, этот рот поистине изысканное место для моего члена. А когда взгляд опускается к ее маленьким сиськам, мне приходится сжать через плотную ткань джинсов пульсирующий от желания стояк. Хочу узнать какие они на вкус. Проклятье, эти соски сводят меня с ума настолько, что кончик языка ноет.

Сняв пиджак, я тут же протягиваю его в сторону бунтарки.

– Прикройся. Я не мазохист, чтобы разговаривать с голой шлюхой.

Девушка молча встает и выполняет мою просьбу, однако я больше не хочу, чтобы она прикрывалась.

– Не двигайся, – резким тоном командую я.

Подаюсь вперед, облакачиваясь о колени, и зависаю на маленьких бантиках, набитых на ягодицах.

– Бантики, значит... – протягиваю руку и касаюсь нежной кожи, тем самым рассыпая табун мурашек по телу девушки.

Медленно сглатываю голодную слюну, набежавшую от малейшего соприкосновения с шелковистой плотью, пока с жадностью обвожу пальцами узоры цветной татуировки. Взглядом вылизываю ее задницу, переходящую в стройные ноги, вновь возвращаясь к гребаным бантикам.

К черту, я всадил кучу бабок за ее киску и имею право насладиться ей в полной мере. В конце концов, она не ребенок и сама отвечает за свои поступки, а меня это волновать не должно.

Я даже не помню, когда в последний раз мой мозг поддавался такому давлению. Из-за девушки. Но эта штучка не так проста. Она позволила мне увидеть толику своего огня, пламени дерзкой бунтарки, скрытой под ангельской плотью, и теперь я не остановлюсь, пока не сгорю вместе с ней.

Убираю от девушки руки и откидываюсь на спину. Решение принято. И менять его у меня нет ни малейшего желания. Она сама сюда пришла. Стоит продемонстрировать ей, на что подписалась эта маленькая задница с бантиками.

– Сядь ко мне на колени.

И, не дожидаясь ее действий, рывком подаюсь вперед, утягивая девчонку ближе и прижимая спиной к своей груди.

– Маленькие девочки не должны находиться в таких местах. Не должны за деньги отдавать себя в руки незнакомым мужчинам, – с хладнокровием шепчу ей на ухо, вынуждая ее задыхаться от волнения. – Это твой первый раз? – остервенело зарываюсь носом в мягкие золотистые локоны.

– Да...

– Я не буду нежен с тобой, Бантик, – предупреждаю. – Трахну тебя так, как нужно мне. Ты по-прежнему хочешь этого?

– Да...

– Я давал тебе возможность выбрать! – сжимаю ее тонкую талию до первого болезненного стога.

По-хорошему надо просто нажать кнопку и попросить заменить эту девчонку на качественную шлюшку, но не могу. Рука сама разводит ее красивые ноги и накрывает горячую промежность, отчего она с шумом вбирает воздух, откидывая голову мне на плечо.

– Расслабься, тогда будет не так больно. – Пальцами отодвигаю ткань ее трусиков в сторону и грубо провожу по гладким складкам, заставляя девушку потерять контроль над своим телом. – Расскажи мне о себе.

– Ч-что? – вырывается из ее груди с откровенным изумлением, которое сменяется громким надломленным стоном, стоит мне без лишних церемоний проскользнуть пальцем в ее тугую киску.

Черт, мне нравится, как крепко она сжимается вокруг меня, нравится чувствовать возбуждение этой милой бунтарки. И я толкаю девчонку за грань неизбежного удовольствия, сам едва сдерживая желание уткнуться головой между ее ног.

– Послушай меня, Бантик, я отвалил за тебя штуку баксов, на одну ночь ты в моем распоряжении. – Сильнее сжимаю ее промежность, накрывая большим пальцем клитор и вырывая тихий всхлип. – Ты будешь делать, все, что я тебе говорю. Безоговорочно. Поняла?!

Она судорожно кивает.

– Умница, – медленно растягиваю ее пальцами, наслаждаясь тем, как это лишает девушку рассудка. – А теперь я хочу услышать ответ на заданный вопрос.

– Я... – она нервно облизывается. – Я не знаю, что рассказ... – запинаясь, кусая губы, когда еще грубее перстнем давлю на напряженный бугорок.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

Твою мать! Выskalзываю из ее тугой плоти и впиваюсь влажными пальцами в девичьи бедра. Девятнадцать... Качаю головой. Какого хрена? Я старше на двадцать семь лет. Она ровесница моей дочери, чтоб ее!

– Ты представляешь, насколько я тебя старше? – раздраженно цежу сквозь зубы.

От непонятной мне злости я резким движением разворачиваю девчонку и, схватив за шею, рывком притягиваю лицом к себе. Знаю, я пугаю ее, но мне плевать. Я хочу, чтобы она боялась. Хочу причинить ей боль, показать, как опасно идти на такие необдуманные поступки. Желая выбить из этой глупой головы все, что привело ее сюда.

– Какого чёрта ты здесь делаешь? Я хочу знать правду!

В этом клубе нет неопытных. По крайней мере, раньше Орлов не принимал на работу девок младше двадцати одного. Обычно они хоть и молоды, но уже понюхали порошу и избавились от розовых очков, а такие, как эта бунтарка, вечно создают сложности. Крыша крышей, но лишние проблемы никому не нужны.

– Вы купили секс со мной! – ерепенится, упираясь ладонями в мои плечи. – У вас есть выбор, взять то, за что заплатили или убраться вон, чтобы я могла найти другого клиента...

Крепче сжимаю пальцы на ее тонкой шее, не позволяя договорить.

– Девочка, если захочу, то куплю тебя и всю твою жизнь.

– Вы можете купить мое тело, – язвит мне прямо в губы, – не более.

– Хочешь, чтобы я сделал то, зачем сюда пришел? – опускаю руку к ремню и умелыми движениями избавляюсь от него, а в следующее мгновение уже затягиваю его вокруг шеи девушки.

Мое терпение на исходе.

– Вы можете делать все, что хотите, – Бунтарка вздергивает подбородок, – ваше время уже давно началось.

1

ВАРЯ

– Девочки! Подъем! – голос Асиной мамы подобно сверлу просачивается прямо в мозг, а затем она решает добить нас, начав громко хлопать в ладоши – Девочки! Быстро встаем! Быстро, быстро, быстро!

С трудом разлепляю веки, замечая недовольную физиономию подруги. Уверена, напротив нее сейчас точно такая же, – моя.

– Ма-а-ам! Дай поспать, а... Единственный выходной... – ворчит Ася, накрывая голову подушкой.

– Ася, твой отец соизволит заехать к нам на обед. Думаешь, стоит пренебрегать столь редким визитом?

Ася с минуту лежит неподвижно, но потом подпрыгивает так, что я делаю это вместе с ней.

– Папа в Питере?! Это приколы такой?

– Думаешь, я бы была зря тревогу? – иронично выдает тетя Оля.

– С ума сойти! – подруга подсакивает и кидается маме на шею. – Но почему вчера ничего не сказала? – с изумлением ворчит подруга, пытаясь нахмурить брови, явно слишком довольная для этой миссии.

– А потому что твой отец соблаговолил позвонить в пять утра!

– Папа как всегда! – Ася отстраняется от мамы и, взяв с тумбы телефон, начинает быстро водить по экрану пальцем, а потом переводит взгляд на меня и прыгает обратно в постель. – Это будет лучший обед! Поможешь мне приготовить что-нибудь для папы?

И смотрит на меня взглядом кота из "Шрека". Ну вот как ей отказать? Никак. И паршивое настроение приходится запихнуть куда подальше.

Хотя думала, сегодня будет легче, но нет, даже спустя сутки я не могу отойти от той ночи, когда решила продать свою девственность взрослому мужчине.

От воспоминаний внизу живота собирается комок напряжения, который Ася разбивает радостным голосом: «Ты супер! Спасибо, Варя!»

И слава богу, что у меня получается отвлечься, уже пора прекратить думать об этом. Случилось и случилось, осуждать себя теперь глупо, тем более, что у меня наконец-то есть нужная сумма.

– А ты, – Ася тычет в маму пальцем, снова привлекая мое внимание, – просто обязана сделать пирог с форелью! Это его любимое блюдо!

– Варя, у тебя появился конкурент?.. – Ольга Константиновна шутливо изгибает бровь, сложив руки на груди.

– Ему придется не сладко, – пытаюсь отшутиться я и присаживаюсь на кровать, стараясь скрыть дискомфорт между ног, невзначай поправляя растрепанную копну волос.

От Аськиных визгов сна все равно ни в одном глазу.

– Девчонки, готовка остается на вас, ладно? Через час у меня шугаринг. Сегодня нужно быть во все оружие. – Тетя Оля подмигивает, не в силах скрыть сверкающую улыбку и, игнорируя Асино фырканье, выходит за дверь.

Вот так и проходит мое утро под радостные вопли подруги, которые стихают только тогда, когда я поворачиваю кран в душе и ступаю под каскад теплой воды, оставаясь с собой наедине.

Торопиться сегодня некуда, суббота, а за ней последняя учебная неделя и в универе начнутся каникулы.

Вот только мысль о том, что время для отдыха у меня уйдет на работу, немного омрачает радость от наступившего лета.

Намыливая волосы шампунем, пытаюсь распланировать сегодняшний день, но в итоге оказывается, что, кроме планов на обед в кругу семьи Ягумновых, у меня дел нет.

Разве что вечером с Антоном в кино сходить. Надеюсь, в его компании я смогу отвлечься и перестать думать о том мужчине. Почему я вообще о нем думаю?

Наверное потому, что ты не задумываясь вручила ему самое сокровенное...

Но ведь времени на раздумье у меня и не было.

По быстрому промокнув кожу полотенцем, заворачиваю в него же волосы, выхожу из душа и, присев на кровать, начинаю недовольно натягивать нижнее белье, терпеть не могу надевать одежду на влажное тело.

Тем более сейчас, когда отголоски той бурной ночи уже во всю дают о себе знать: тело ноет при малейшем движении, а синяки от его алчных ручищ подобно космическим вспышкам на моей коже.

Сегодня они еще ярче. Ведь мужчина сдержал свое слово: он не был нежен.

Господи, мне нужно прекратить вспоминать об этом, потому что вопреки всему я начинаю желать тех ощущений, которые испытала с незнакомцем. Грубым и несдержанным. Что со мной не так?

Тряхнув головой, с усталым вздохом поднимаюсь с постели и подхожу к шкафу Аськи, вынимая оттуда джинсы с майкой. Это хотя бы скроет следы моего преступления.

Надеюсь, на званом ужине не будет дресс-кода?

Хотя, судя по тому, как тетя Оля выглядела уже в девять утра – с боевым раскрасом на лице и укладкой явно не за пятьсот рублей – вряд ли мне так повезет.

А вообще Асина мама от природы красивая женщина и в свои сорок три выглядит на тридцать. Порой я даже завидую ее крепкой фигуре, из-за которой она почти не вылезает из спортзалов. До сих пор не укладывается в голове, что после Асиного папы у нее так никого и не появилось, но я не лезу в чужие дебри, зная все это только по рассказам подруги.

Под шум разных мыслей я уже одетая выхожу из комнаты и, на ходу завязывая волосы в хвост, плетусь на кухню. Помочь ведь надо.

– Ой, Варюш, ты вовремя, подмени меня, а то я палец порезала. – Ольга Константиновна касается губами указательного пальца, пока ищет аптечку.

– Может вам помочь? – искренне интересуюсь я. – Сильно порезались?

– Да ерунда, сейчас перекисью обработаю и дело с концом, ты лучше помоги на кухне с готовкой. Ася сейчас тоже присоединится, а я поехала в салон. Пирог уже в духовке, через пятнадцать минут выключи, – протораторив мне указания, Асина мама уходит, а я приступаю к приготовлению салата с рукколой и говядиной.

Утонув в любимом процессе готовки, я даже не замечаю, как пролетает время. Ася же появляется только под завершающие аккорды ножа и получает от меня ерепенистый взгляд.

– Не ворчи, Гронская. Я с Кирилом по Face Time болтала. – Она тянется в салат за долькой огурца и получает от меня шлепок по руке, в ответ парируя высунутым языком. – Кстати, они на следующих выходных на дачу к себе зовут, – опирается задницей о столешницу, все-таки стащив с доски кусок отварного мяса, – поедем?

– Зубы не заговаривай, – закончив шинковать, высыпаю все в миску и, перемешав салат, кивком указываю ей на приготовленные блюда, – давай неси все на стол.

– Варь, а чего нет то? Отметим сразу и окончание учебного года. – Берет поднос с румяной выпечкой и направляется в обеденную зону.

– Антон меня в кино сегодня позвал, там и поговорю с ним. – Взяв блюдо с уткой по-пекински, которую кстати должна была готовить эта задница, я направляюсь следом за ней. – Посмотрим, что они могут нам предложить. Мы так-то и к Розенбергу на хату можем свалить. У него вроде как тусовка погромче намечается.

– Да, но там не будет Кира, и вообще у Розенберга слишком много левых тел, – ноет подруга. – Ты ведь знаешь, как я хочу с Паховым уединиться?

– Знаю, поверь мне, он хочет этого не меньше. – Ставлю блюдо на мраморную столешницу и бросаю на Асю лукавый взгляд.

– Ой да, конечно. – Отмахивается она. – Хочет он, пока прямым текстом не скажешь ему, не дойдет. А ты, кстати, где позапрошлой ночью пропадала?

А вот это я хочу с тобой обсуждать в последнюю очередь. А лучше вообще никогда. Потому что в глазах единственной лучшей подруги выглядеть продажной шлюхой нет ни малейшего желания.

– На подработку устроилась, – выдавливаю улыбку и сразу перевожу тему: – Мы ведь в августе едем на море, ты помнишь?

Но наш разговор, к моему облегчению, обрывает влетевшая в комнату Асина мама:

– Все пробки собрала, – бурчит себе под нос, впопыхах стуча каблуками и устремляясь к себе в комнату. Но вдруг останавливается с широко распахнутыми глазами. – Ой, какие вы у меня умнички, все успели. С меня простав, девчонки, выберемся после вашего окончания на уик-энд.

– Мы поймали тебя на слове, – шутливо предупреждает Ася, когда Ольга Константиновна скрывается из вида.

– Мама у тебя так переживает, – шепотом удивляюсь я.

– Ага, сегодня поделилась со мной, что хочет папку вернуть, – едва слышно секретничает Аська. – Я бы тоже этого очень хотела. Так скучаю по нему.

– Ого, здорово. Уверена у нее получится, выглядит она отпадно. У твоего папы нет ни единого шанса, – шутливо толкаю подругу плечом в плечо.

– Ну да, – Ася закатывает глаза, – знаешь, папа тоже у нас не промах. Свалил только в свою Германию, целый год с ним не виделась уже...

Позади раздается грубое покашливание, прежде чем от визга подруги у меня начинает звенеть в ушах. Ася резко срывается с места и виснет на весьма крупном мужчине, фигуре которого позавидовал бы любой греческий бог. Ну, в одном она права точно, папа у нее не промах. Широкие плечи, высокий рост и мощное телосложение, что не может скрыть даже висящая на его шее Ася.

Вот только когда на одной из татуированных рук я замечаю знакомый перстень, волна страха ледяным холодом пробегает по позвоночнику, крадя мое дыхание. Нет, этого просто не может быть...

Но я не успеваю запаниковать, потому что, стоит мне увидеть лицо мужчины, как мои колени подкашиваются и я едва не валяюсь с ног, оставаясь в вертикальном положении только благодаря стулу, за который успела схватиться.

Эта небритость на волевых скулах и подбородке... я не забыла ее и, черт возьми, снова чувствую укол возбуждения, прежде чем еще раз обвожу испуганным взглядом татуировки и перстни на могучих руках. А в голове вновь проносится: красив хоть и не молод.

– Кто такая? – вздрагиваю, когда наконец его внимание переключается на меня. На ничтожную долю секунды я замечаю во взгляде пришедшего гостя проблеск злости, когда Ася представляет меня как свою подругу, но уже через мгновение мужчина демонстрирует невозмутимость, выглядя холодным, словно айсберг. Успокойся, Варь, он не мог узнать тебя. Это невозможно. Однако я все равно уподобляюсь дождевому червю, который готов немедленно заползти под его ботинки, лишь бы скорее скрыться от опасных глаз. – Подруга твоя немая что ли? – он снимает пиджак, а после неминуемо двигается в мою сторону, и единственное, что сейчас крутится в моей голове: микс отборных матов, потому что отец Аси нагло тарашиться на мою грудь, а лифчики я ношу крайне редко...

2

– Варюш, а ты чего не ешь? Все в порядке?

В порядке? Нет! Не в порядке! Ни хрена не в порядке!

Я уже целый час проклиная свое тело, что реагирует на малейшее движение этого седовласого дьявола. Даже его чертов голос заставляет мой клитор ныть от боли. Раньше я чувствовала такое только при просмотре порно, а в реальной жизни мужской пол такого эффекта на меня еще не оказывал. До того момента, пока я не растянулась на члене мужчины, который по иронии судьбы оказался отцом моей лучшей подруги. Мужем женщины, относящейся ко мне как к родной дочери. Из-за этого я сгораю от чувства вины, мне стыдно сидеть с ними рядом. Потому что, стоит только вспомнить, как его толстые пальцы погружались в меня до самого проклятого перстня, как позже с таким же остервенением я облизывала их, словно впервые ела сахарную трубочку после годового воздержания от сладкого, мой рот наполняется слюной. Боже мой... мне нужно прекратить, иначе не то что трусы, джинсы намокнут от этого необузданного для меня желания. Но я не должна испытывать жажду по отношению к этому мужчине. Теперь он для меня под запретом. Под семью замками. Да, так правильно. То, что было между нами, останется в той красной ВИП-комнате. И будь я проклята, если позволю вырваться этому наружу.

– Варь? – Ольга Константиновна напоминает мне о том, где я нахожусь, отчего мне приходится до боли прикусить щеку и перекинуть ногу на ногу, чтобы затмить пульсирующее внизу живота напряжение. Не думай о нем! Не смотри на него! Еще ведь и сел напротив.

– Эм-м, – прочищаю горло, заметив обращенное на меня ненужное внимание, после чего бесшумно втягиваю носом воздух, стараясь смотреть в свою пустую тарелку. Мои эмоции играют явно не за меня. – Я не голодна, спасибо.

– Варя, чтобы ты да отказалась от маминого пирога? Нет, ты не в порядке, – с возмущением вмешивается подруга. – Ты папы что ли стесняешься?

Ее слова почему-то неприятно жалят смущением, и я уверена, это прекрасно отражается на моих вспыхнувших щеках.

Сглатываю, прежде чем осмелеть и, подняв взгляд, произнести что-то членораздельное:

– Тётъ Оль, – распрямляю плечи, нервно откидывая хвост назад, – положите мне, пожалуйста, кусочек. – Протягиваю тарелку через стол, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в руках, а после того, как на блюдо опускается увесистый кусок пирога, благодарю хозяйку дома слабым кивком.

Я совершила грех, но расплата пришла за мной слишком быстро.

– Мирон, ты в курсе, что выпрашивает твоя дочь на день рождение?!

– И что же? – низким голосом осведомляется тот, и я снова не сдерживаюсь, бросая взгляд в его сторону и замечая, как вальяжно он смакует виски в своем жадном рту.

Ох уж этот рот... Самого черта, ей богу.

– Ой, мам, не начинай! – встречает Ася.

– Говори, ласточка, думаю, я смогу исполнить любой твой каприз.

Божечки, почему мне хочется, чтобы эта фраза была адресована мне? Вот что я за тупица?

Сжимаю вилку и заставляю себя проглотить хоть один кусок, чтобы отвлечься от этих глупостей, да и вообще, мне стоит как можно быстрее покинуть их семейное гнездышко. А тем более стол. Он всегда мне казался таким большим, но сейчас я задыхаюсь от нехватки кислорода, потому что все свободное пространство занимает этот мужчина.

Мирон, его зовут Мирон. Красивое имя, ему идет. Ну вот опять.

– Ну, ты сам напросился, – звонкий голос подруги помогает немного прийти в себя. – Я хочу татуировку. Рукав. Забить полн...

– Нет, – он бесцеремонно обрывает воодушевленную идеей дочь. – И это не обсуждается.

– Почему? – капризно топает ногой Ася. – Что в этом такого? Двадцать первый век, пап! Ты сам весь в татуировках!

– Моя дочь не будет пачкать свою кожу. Ты из приличной семьи, Ася. Поэтому тема закрыта.

– Но папа, что... Даже у Вари есть, и не одна!

– Ася! – шиплю на нее, буравя взглядом, но видимо выгляжу не убедительно, потому что эта зараза кажется слишком довольной.

– И что же у вас за татуировки, Варвара, – предельная серьезность в тоне Мирона заставляет меня напрячься, – и каков был мотив портить столь юную кожу?

Варвара. Кажется, будто его язык только что трахнул мое имя.

– Простите, но это личное...

– У нее бантики, – не унимается подруга, а у меня уже ладони чешутся, так хочется придушить ее. Это полный провал. Под ложечкой начинает неприятно посасывать, и я не сразу нахожу в себе силы огрызнуться, только выходит нечто похожее на жалкий писк котенка. И конечно же ни на йоту не останавливает мою подругу, которая продолжает рыть мне яму у ног своего отца.

Я даже боюсь представить, что будет, если он меня узнает, а вероятность этой катастрофы набирает обороты. Особенно когда я замечаю, как его дикие глаза прожигают мои родинки, которые я тут же прячу за волосами, перекинув хвост обратно.

– ...я тоже хотела бы такие, но повторяться не комильфо. Да и с ногами мне не так повезло, у Варьки вон какие стройные.

– У тебя все отлично с ногами, Ася, – ворчу я, захлебываясь в приближающемся провале. А стоит мне предпринять попытку встать с места, с ужасом понимаю, что это мне не позволяет сделать рука, схватившая меня под столом за щиколотку. Твою ж мать. По спине будто лопатой прилетает, выбивая из легких весь воздух, даже кожу в районе лопаток покалывает. Но я отчаянно пытаюсь не погибнуть в этой чудовищной реальности.

Он ведь не дурак, чтобы за семейным обедом выказать к моей персоне излишний интерес.

Благо подруга переключается на разговор с мамой, который теперь совершенно не доходит до моего мозга, какой-то фоновый звук, доносящийся до меня сквозь пелену тумана паники, потому что сильные пальца ее отца с жадностью обжигают мою кожу даже сквозь джинсы.

Облизываю вмиг пересохшие губы, но демонстративно игнорирую мужчину.

Зачем он это делает?

Но то, что происходит в следующее мгновение, мощнейшим ударом укладывает меня на лопатки, и оправиться от такого я не в силах.

– С какого числа каникулы? – Мирон как ни в чем не бывало ведет беседу с женой, одновременно вдавливая мою босую ступню себе в пах. И черт бы меня побрал, я чувствую его охрененно крепкий стояк. Это из-за меня он так?

Опустив голову, подпираю лоб ладонями. Как мне воспринимать его поступок?

Господи, помоги мне. Аккуратно положив ладони на стол, заставляю себя оставаться сильной и с гордостью пройти через все испытания. Если конечно она у меня осталась. Что весьма актуально, учитывая последние события.

– Большое спасибо за обед, – с трудом натягиваю улыбку, делая жалкую попытку выдернуть ногу, – но мне нужно отойти.

Эти слова я адресовала конкретно ему, теперь все за столом в курсе моих намерений покинуть застолье, следовательно он не сможет меня удерживать. Не сможет ведь?

– Варюш, тебе спасибо, столько наготовила, пока мой лодырь в телефоне зависал, – тетя Оля посылает дочери предупреждающий взгляд. Естественно, Аська не стала приписывать мои заслуги себе и с гордостью похвалилась перед мамой, что мол вон какая наша Варька молодец, наготовила для папки.

Однако хватка на щиколотке ни каплю не слабеет. Вот что за человек?

Сжав руки в кулак, сквозь гул собственного сердца я все-таки выдергиваю свою ногу из лап этого чудовища. Из-за которого гореть мне на костре синим пламенем.

– Пустяки, – прикладываю все усилия, чтобы голос не дрожал. – Я люблю готовить, вы же знаете. Это самое малое, чем я могу отблагодарить вас за доброту. – Посылаю тете Оле теплую улыбку, испытывая странное облегчение от отвоёванного чувства свободы. Вот только из-за стола мне по-прежнему уйти не удастся, потому что отец Аси подключается к нашему разговору. И не лучшим образом.

– Родители у тебя где? – щурится, потирая пальцами свою короткую бороду. Он вообще слышит, о чем разговор?

– Простите? – шокированная резким вопросом, я все же теряюсь под прицелом его тяжелого взгляда.

– Ася сказала, ты живешь здесь. По какой причине? – жестикулирует мощной пятерней, будто закинул наживку мне в глотку и теперь вытягивает ее из меня вместе с внутренностями.

– Мирон...

– Не тебя спрашиваю, Оль, – безэмоционально отсекает он свою жену, ни на секунду не лишая меня своего горячего внимания. Но все же снаружи мужчина остается совершенно невозмутимым. Будто и не бесит его пятно перед глазами в виде меня. А мне чутье подсказывает, что злит. Вон как пялится. Сегодня же соберу вещи и свалю отсюда. Он узнал меня. Я точно знаю.

– Родители дома, – с вызовом отвечаю ему, задыхаясь от неловкости, потому что подлец лезет на красную территорию. – Я как раз сейчас туда и собираюсь. Было приятно познакомиться.

Вру. Не приятно, ни разу.

Он продолжает со скрытым раздражением рассматривать меня так, будто только что и не терся о мою ногу стояком, но ничего мне не отвечает.

– Мирон, девочки учатся на одном потоке, дружат. Я не вижу ничего плохого в том, что Варя остается у нас. – Тетя Оля переводит немного растерянный взгляд на меня, будто чувствует мое напряжение, но, к великому облегчению, больше ничего не говорит. И я безумно ей благодарна. Это личное и распространяться перед мужчиной, который явно станет для меня проблемой, лишнее. Чем больше он будет знать обо мне, тем больше я буду уязвима перед ним.

Еще раз извинившись, я выхожу из-за стола и на слабых ногах направляюсь в ванную комнату, где, открыв кран, начинаю хлестать в лицо ледяной водой. Однако пылающие щеки отчаянно не дают ей выполнить свою миссию и хоть немного остудить кожу.

Упершись ладонями о столешницу, я с минуту стою с опущенной головой, позволяя каплям свободно стекать по лицу, прежде чем дверная ручка поворачивается. Как в замедленной съемке я слышу звук захлопнувшейся двери, а когда решаю поднять голову, проглатываю испуганный крик, замечая в отражении зеркала его. Отца моей подруги.

Сглотнув, я непроизвольно цепляюсь за края раковины, пока в голове пулями пролетают спутанные мысли:

Зачем он пришел? Зачем закрыл дверь?

Не проронив ни слова, Мирон неспешно достает сигару и вставляет ее в рот, своим поведением напоминая голодного хищника. А потом серый волк делает шаг в мою сторону, а я,

как бы того не хотела, даже с места сдвинуться не могу. Тело будто окаменело от его взгляда, которым он пожирает меня в отражении зеркала.

Меня пугает его напускное спокойствие, пока он неумолимо приближается ко мне. Я ведь чувствую, что не за ужин он пришел поблагодарить.

И в доказательство тому по коже пробегает табун взбесившихся мурашек, когда он лениво перекатывает во рту сигару, прежде чем прикурить ее. И, черт возьми, врядли кому-нибудь удалось бы не возбудиться при виде такого зрелища.

Этот мужчина просто ходячий секс.

"А еще он отец твоей подруги", – ругает меня моя истерзанная совесть.

Какой кошмар... Мне нужно сейчас же уйти отсюда, но по какой-то причине я продолжаю бездействовать, будто парализованная. Загипнотизированная им. Его движениями. Взглядом. Походкой с поступью грациозного хищника. Всем им. Даже каждая молекула воздуха наполняется опасным запахом этого мужчины, впоследствии раздирая мне легкие.

Он близко, слишком близко. А я... я слишком растеряна и напугана. Потому что совершенно не знаю, как вести себя в данной ситуации, а тем более не ведаю, что творится в голове этого мужчины. И пожалуй, не хочу этого знать, ведь ноги и так напоминают железню массу, а стоит мне заметить движение мощной мужской руки, как я с глухим визгом дергаюсь в сторону.

– Что вам нужно? – выпаливаю я, часто дыша и не понимая, каким чудом успела увернуться от него. Вот только легко меня не отпустят и с бешено колотящимся сердцем я начинаю пятиться назад, потому что его глаза снова оказываются напротив моих. Сколько же в них злости. Но почему? Боится, что я расскажу? Ну уж нет. Никогда. – Зачем вы сюда пришли? – лепечу едва слышно, будто еще секунда, и я разлечусь на мельчайшие атомы.

Ухмыляется и покает, дергая головой в бок, будто я глупость какую спросила.

– Очень не люблю, когда меня лишают того, что мне нравится, Бунтарка.

Бунтарка. Он произносит это таким тоном, что внутри поднимается вихрь и жаром закручивает все внутренности. Хочется прикрыть глаза и помурлыкать возле его ног, но воздух искрит напряжением и помогает мне совладать с собой.

– Я вам ничего не обещала. – Отступаю назад, но лишь оттягиваю неизбежное в виде надвигающейся на меня горы татуированных мышц.

– Не обещала, – кивая, соглашается он, снова перекатывая сигару во рту, прежде чем я ударюсь спиной в стену и вздрагиваю, на долю секунды позволяя дыханию прерваться.

– Тогда почему сейчас мне кажется, что вы хотите придушить меня? – пишу как мышка, загнанная в угол голодным котом, у которого из пасти клубами валит дым.

– Не кажется. Хочу. – Упирается одной рукой в стену рядом с моей головой и, склонившись, выдыхает густое облако дыма прямо мне в лицо. – Очень хочу, Варя.

Откашливаюсь, в попытке отвернуться от него, но видимо у Мирона другие планы.

– Еще раз увижу тебя рядом с моей дочерью, – его мощная пятерня перекрывает мне кислород, безжалостно сжав горло настолько сильно, что из него начинают сыпаться свистящие звуки, и я машинально принимаюсь царапать мужскую кисть. Я жить хочу, а не вот это вот все. Но внезапно он отпускает меня и отстраняется под звуки моих жалких попыток насытить легкие воздухом. – Еще раз и я перекрою тебе кислород окончательно. Усекла?

Тяжело глотаю, несколько раз кивая. И больше не испытывая ни малейшего желания находиться рядом с этим ненормальным, пускаюсь наутек, пока меня не тормозит жесткая хватка на затылке, в ту же секунды отзываясь острым жжением, а спина не врежется в каменную грудь мужчины.

– Я еще не закончил, – рычит он мне на ухо, когда широченная ладонь начинает нагло приближаться к моей взволнованно вздымающейся груди. А уже в следующую секунду эти развратные пальцы пускают электрические волны запретного удовольствия в каждый потайной

уголок моего тела. Но несостоявшийся крик тонет в той же ладони, что секунду назад выкручивала мои соски. – Не кричи, если не хочешь, чтобы моя сердобольная женушка увидела тебя с моим членом во рту.

Боже! Мое сердце испуганно подпрыгивает к горлу и начинает колотиться там как бабочка, сжатая в кулаке. Но помимо страха и паники, есть что-то еще. И это что-то прямо сейчас транслирует в моей голове неприличные картины с громкими названиями, которые можно встретить на порно сайтах: "Муж изменил жене с симпатичной подружкой их дочери". "Девушка с татуировками бантиками протестировала крепкий член зрелого мужика". "Отец подруги хорошенько трахнул мощным..." Стоп! Зажмуриваюсь и посылаю самой себе все лучи ненависти, отчаянно пытаюсь привести мысли в порядок. А то я уже сама себя начинаю бояться. Может это какое-то отклонение? Мне не может все это нравиться. Не может ведь?

– Та ночь ничего не значит! – выпаливаю на выдохе и кусаю внутреннюю часть щеки, всеми силами стараясь не чувствовать жар его тела. Но чувствую, я вся объята его пламенем, вплоть до нервных окончаний. – Я получила деньги, вы – секс!

– Вот что ты за дура такая? – смеется так мрачно, что хочется свести бедра, но мне не позволяет это сделать рука, что уже сжимает меня за самое сладкое местечко, а после мое тело резко разворачивается, и я оказываюсь лицом к лицу с проклятым серым волком.

Я пропала.

– Прошу вас! – упираюсь ладонями в каменную грудь мужчины. – Прекратите! Ваша дочь зайдет в любую сек... – запинаясь, когда сильные мужские руки грубо сжимают мою талию, скользят вверх, под майку, но я продолжаю обреченно шептать, уткнувшись лбом в крепкое плечо: – Не могу я, Ася моя подруга. Не поймет она. Прошу, уходите... Я не хочу вас.

Подбородок вспыхивает от жара его пальцев, прежде чем мужчина заставляет посмотреть ему в лицо.

– Тебя хочу я. – Его голос низкий и гортанный, а жестокие губы слишком близко. – Этого достаточно, – выдыхает мне в рот и забирает мой невысказанный протест жадным языком. Вот и все. Момент, когда я должна была отшить этого наглеца, уничтожен.

Секунда, и мои джинсы грубым рывком опускаются к коленям, а руки оказываются безвольно прижаты к стене над головой. Перед глазами же появляется его лицо с пугающим взглядом, на который способен только этот мужчина. Который берет напором, и я не в силах перед ним устоять.

Ловлю горящими губами воздух, мозг работает в обратном направлении, не позволяя мне успевать за чертовой реальностью, когда его сильные толстые пальцы отодвигают влажную ткань трусиков в сторону и входят в мою тугую плоть. Настолько глубоко, что утопают в моей же смазке, наполняя меня запредельными ощущениями. Сводят с ума. Подбрасывают в небо совершенно неизведанных мне ощущений. Делают беспомощной в капкане этого порочного чудовища, но будь я проклята, когда позволяю себе удариться затылком о стену и излиться тихим и глубоким стоном, забыв о той боли, что еще утром напоминала о нашей первой ночи.

Зверюга не оставляет этот факт незамеченным, нависает надо мной, кривя губы в одной боковой полуулыбке, которая кричит мне о том, что он хочет сожрать меня живьем, отчего я окончательно теряю способность нормально дышать. Нет. Я теряю себя в глубине его синих глаз.

– Маленькая шлюшка, – ухмыляется, и не получает от меня ни единого сопротивления, потому что в его голосе больше нет злобы. Есть желание. Похоть и голод. От этого осознания рот наполняется слюной, а внутренности стягиваются в большой болезненный ком, который скатывается лавиной вниз. Да что со мной не так?

Почему я горю, зажатая между стеной и твердым мужским телом, словно в аду небывалого удовольствия, а собственная влага между ног от волнообразных движений его пальцев подобна розжигу. Щелчок, и я вспыхиваю как фитиль. Но угаснуть мне не позволяют жадные

губы, захватывающие мой сосок сквозь ткань майки, после чего дерзкий язык начинает грубо вылизывать торчащие вершинки в ритм трахающим меня пальцам.

Однако в следующее мгновение Мирон с громким причмокиванием выпускает сосок из своего похотливого рта и вновь утягивает меня в котел алчной похоти, вцепившись зубами мне в губы.

Берет меня всю без остатка, а я дура, отдаю ему все.

Реальность размывается перед глазами яркими мазками красок. Финальный толчок, и его мокрые от моих соков пальцы выскальзывают из сокращающейся плоти, прежде чем сжать нервный комочек с силой и выбросить меня на другую орбиту. Вот же черт.

– Ты даже не представляешь, насколько можешь быть грязной. – Его затянутые поволокой глаза снова напротив моих, чуть выше, что вынуждает меня слегка вздернуть голову. Но мне сложно как-то реагировать, потому что кажется, будто его пальцы во мне и все еще ожесточенно трахают меня.

Но это не так. Жар прикосновений Мирона покинул мое тело, а он уже моет руки и лениво вытирает их полотенцем, пристально смотря на меня через зеркало, в то время как его голос доносится до спутанного сознания сквозь стихающие волны оргазма:

– Я хочу увидеть твои бантики еще раз, Бунтарка. Сегодня за тобой заедет машина. В семь. И давай без глупостей. Потому что последствия тебе не понравятся.

С этими словами мужчина уходит, а я так и остаюсь стоять прислоненная спиной к стене со спущенными джинсами, едва дыша от переизбытка эмоций. Ну и какого, мать вашу, хера только что произошло?

3

Перед глазами до сих пор какие-то фантомные видения: его татуированные руки с четко выраженными венами, широкие плечи и грудь, рельеф, который не в силах скрыть рубашка.

И я буду лицемеркой, если не скажу, что Мирон, несмотря на предрассудки, свойственные его возрасту, красивый мужчина. Несмотря на свою грубость с первой нашей встречи, – волнующий меня мужчина. И он чертовски горяч. Несдержанно, дико, по-мужски. А эти чистейшие синие глаза...

Ох, черт.

Жар вновь разливается по моей шее, а в голове все еще звучит его глубокий баритон, пока мое дыхание приходит в норму. По крайней мере, пытается это сделать.

И так уже целых пятнадцать минут я стою и смотрю на себя в зеркало, с покрасневшими щеками и распухшим от его алчных поцелуев губами, пытаюсь понять, что произошло и как мне вылезти из этой задницы.

Однако усталость после испытанного оргазма оказывается сильнее и поток мыслей в голове словно зажеванная пленка кассеты, звук есть, но ничего не понятно. Сродни экзекуции над самой собой. А еще эти чертовы соски, что свербят и просвечивают сквозь намокшую от его слюны майку.

Наверное, я должна ненавидеть его за проявленную по отношению ко мне распущенность в доме жены, чем он явно пытался поставить меня в неловкое положение. И у него это получилось.

Вдобавок Мирон сделал мне больно. Физически. Напугал. А еще запретил мне общаться с единственным близким после мамы человеком. Асей. Но тем не менее он откровенно дает понять, что от секса со мной отказываться не намерен.

Да, я должна его ненавидеть, но почему-то не получается. Естественно, я злюсь. Но это далеко не ненависть.

Вообще-то в моей жизни был еще один человек, который и помог совершить мне эту роковую ошибку. Алексия. Мы с одного нищенского района. У обоих непростые судьбы. Правда, она старше меня лет на пять, но по какой-то причине, когда мне было еще пятнадцать, Алекс начала со мной общаться, а мне льстило, что старшая девчонка обратила на меня внимание.

Пацаны за ней табуном бегали, только я тогда ничего в этом не понимала. Но Алексия исправила это недоразумение и начала показывать мне все прелести взрослой жизни, тем самым снимая с моих глаз розовые очки.

Тяжелый вздох нарушает тишину моих мыслей.

Возможно, я не должна была общаться с подобной девушкой, но разве кто-то присматривал за мной? А мне так хотелось быть важной, хотелось внимания. Которого я не получала дома. Папу волновал лишь нескончаемый поток бутылок, а тяжело больная мама была просто не в силах следить за мной. Сама же я еще «зеленая» была. Зеленая, но не глупая, в плане учебы, разумеется. Именно благодаря этому у меня и получилось поступить в престижный университет на бюджет, где я как раз таки познакомилась с Асей. А впоследствии и с тетей Олей. И когда у моей мамы случались приступы, Ягумновы забирали меня к себе, чтобы не оставлять наедине с невменяемым отцом.

Хорошее образование казалось моим билетом в будущее, по крайней мере, в это свято верила мама. Даже когда ее здоровье ухудшилось. Очень резко.

Три года она не вылезала из больничной койки, отцу не было до этого никакого дела, а я... я никак не могла помочь родному человеку.

В тот момент, когда врачи сообщили мне не утешительный диагноз, весь мой мир рухнул. Разбился на мелкие осколки. Потому что именно тогда я вернулась к себе в район и обратилась за помощью к Алексии, которая и помогла мне сойтись с Орловым.

По возрасту я конечно туда не проходила, да и по опыту, которого у меня не было в свои девятнадцать – тоже, но видимо Аля в особых отношениях с руководителем клуба. И проблем с «рабочим местом» у меня не возникло. Тем более, что я не собиралась серьезно увлекаться этим. Ведь прекрасно понимала, как такое занятие выглядит со стороны и как меня осудят, но если могла хоть немного помочь родной матери с лечением, то была готова продать даже собственное тело. И продала.

Правда стоило мне оказаться в ВИП-комнате наедине с волком, как я едва не передумала, но не смогла...

Пошла бы я в этот клуб зная о последствиях? Не знаю...

Мне нужны были эти деньги, очень нужны, у меня ведь не было другого выбора? Конечно, выбор есть всегда. Да вот только времени для иного решения не всегда бывает достаточно.

Господи, надеюсь, моя мама никогда не узнает, каким способом я заработала эти деньги. Стук в дверь вырывает меня из крамольных мыслей.

– Варь, ты там в порядке? – дверь открывается, и в ванной комнате появляется голова Аськи.

Сделав глубокий вдох, я отталкиваюсь от раковины и направляюсь на выход с натянутой и, надеюсь, естественной улыбкой.

– Да. – Провожу руками по волосам в попытке сбросить с себя все то, что не должна узнать Ася. – Просто морально готовлюсь к поездке к отцу, – обречено выдыхаю я, зная, что это сработает.

– Зачем? Ты из-за папы, да? Ну не обижайся ты, папка бывает резок, но он ничего плохого не сказал, – начинает свои уговоры подруга, а она умеет это делать.

Вот только ей ни черта не известно. Она не в курсе, что ее отец просто пришел и придушил ее подругу, а потом еще и трахнул пальцами.

– Да не хочу я вам мешать, – резко отмахиваюсь от нее и от явившихся мне порочных картин, прежде чем выхожу из ванной. – Да и загостилась что-то.

– Сама ведь знаешь, ты нам как родная, Варь, – с толикой раздражения произносит подруга, прежде чем напрыгнуть на меня со спины. – Не поедешь ты никуда, Гронская.

И я, не в силах удержаться, позволяю себе подхватить настроение подруги и посмеяться, когда та начинает сильнее сжимать меня за шею, пытаюсь уложить на лопатки. Аська всегда такая веселая и легкая, как весеннее облачко, на фоне которого я похожа на грязную лужицу.

– Ась, но я все равно поеду к отцу, – говорю я, когда мы обе успокаиваемся и как цивилизованные люди идем к ней в комнату. – Он наверное уже превратил дом в общагу для алкашей, надо навести порядок, а через пару дней я приеду. Кстати, насколько там ваш папа приехал?

Очень надеюсь, что не навсегда!

Поэтому с замиранием сердца жду ответ подруги.

– На пару дней, но он хочет в отеле жить, правда мама там уговаривает его дома остаться. Вот я и ушла, чтобы не мешать им, – шепотом добавляет подруга, когда мы проходим рядом с обеденной зоной и через холл направляемся к ней в комнату. Да уж, в этой квартире легко можно поиграть в «Казачьи разбойники». – Как же я хочу, чтобы у мамы с папой все получилось. – Зайдя в комнату, Ася плюхается на кровать и приподнимается на локтях, игриво изогнув бровь. – Заметила, как они смотрятся?

Губы нервно дергаются в подобие улыбки. Мне точно стоит как можно скорее минимизировать общение с Асей, потому что я не могу разделить ее радость. Пока не могу.

– А чего у тебя мокрая майка на сосках? Ля как торчат! – некстати подмечает подруга и тычет пальцем, попутно заливаясь хохотом. – Теперь понятно, почему ты застряла в ванной. Ты в следующий раз хоть дверь...

Но брошенная подушка в сторону не умолкающей Аси помогает мне прекратить поток смущающих меня слов.

– Иди ты, – шиплю на нее через плечо и принимаюсь собирать сумку с самыми необходимыми мне вещами. А так не хочется. Здесь я чувствую себя комфортней, чем дома, но увы и ах!

– Ты обиделась что ли? – слышу, как Ася переворачивается на кровати. – Если тебе станет легче, я видела, как мама забавляется с душем. Так что ничего такого в этом нет.

– Ася, прекрати, а? – не в силах сдержаться, смеюсь и, обернувшись, замечаю веселую физиономию подруги, красотка лежит на животе и озорно болтает ногами.

– Ну что-о-о? Ты вон хоть теперь улыбаешься, а то весь обед лица на тебе не было.

Я было уже хотела ответить ей, но наш разговор внезапно прерывает входящий звонок, а стоит мне увидеть, кому принадлежит номер, в горле будто дергается кадык, которого у меня нет.

С замиранием сердца я подношу телефон к уху.

– Алло? – стараюсь говорить спокойно, чтобы не привлекать ненужного внимания Аси. В данной ситуации совершенно ненужного!

– Здравствуй, Варя, – как только обманчиво ласковый голос Орлова доносится до уха, я съеживаюсь. Такие, как он, не бывают ласковыми. – Приезжай сегодня в клуб, Бантик, поговорить надо.

Поговорить? О чем? Часть денег он отдал мне авансом наличкой еще перед клиентом, а вторую обещал перевести на карту. Что еще то? Не хочу я туда возвращаться!

– Константин Сергеевич, сегодня я...

– Это была не просьба, Варвара, – тон мужчины за секунду наполняется равнодушным холодом. – Ты ведь умная девочка. Не заставляй меня применять силу.

4

После телефонного разговора мне требуется еще пара минут, чтобы прийти в себя. И я испытываю облегчение, когда из кухни доносится крик тети Оли: «Ася, иди проводи папу!», после чего подруга незамедлительно поднимается с кровати и выбегает из комнаты.

А я, судорожно порхая пальцами по экрану мобильного, захожу в приложение, чтобы проверить банковский счет и, не увидев там обещанной суммы, со стоном бьюсь спиной о стену и медленно скатываюсь по ней вниз. Так же, как и моя жизнь, под откос.

И теперь ясно одно: мне нужно как можно скорее уехать из города, больше здесь небезопасно. Вот только куда? К отцу? Ну уж нет, там опасностей не меньше. Остается единственный вариант, уехать в глубинку к бабушке, но если я это сделаю, то не смогу помочь маме. Тех денег, что я отправила в фонд помощи, не хватит на операцию. Качаю головой, нет, не могу я оставить ее. Ох, если бы только у меня была недостающая часть денег... но их нет. И скорее всего не будет. Проклятье. В носу начинает щипать и, чтобы сдержать предательские слезы, бьюсь затылком о стену, еще и еще, крепко стискивая челюсти, только легче не становится.

Не знаю, сколько я так сижу, утопая в невеселых мыслях, но затяжной вздох отчаяния заставляет меня вернуться в реальность и понять, что мой план уничтожен к чертям собачьим.

Нет, я должна быть храброй, должна найти эти гребанные деньги, несмотря на то, что малейшая минута промедления в этом городе не приведет меня ни к чему хорошему.

Да и перспектива оказаться в руках Ягумнова, а тем более Орлова совершенно не радужная, у меня нет ни малейшего желания видеться ни с одним, ни с другим. Но кто я такая, чтобы претить судьбе, сценарист которой явно фанат криминальных триллеров? Я бы посмеялась, если бы могла.

Хватит! Нет времени на самокопание.

Однако вместо этого собственный разум против моей воли уже вовсю рисует самое худшее, играя на расшатанных нервах. Пока сомнительная решительность безжалостно не сталкивается с адреналином, набирая обороты и вынуждая меня издать тихий рык, прежде чем я поднимаюсь на ноги и, перекинув через плечо рюкзак, направляюсь прочь.

Но для начала навещу Алексею и потребую объяснить, что за дерьмо происходит.

Вот только проходя мимо зала, я замечаю рыдающую на диване тетю Олю и успокаивающую ее Асю. А отсутствие Мирона наталкивает на мысль, что попытки вернуть его в семью пока не увенчались успехом.

Мне становится до чертиков стыдно, а чувство вины буквально распирает мою грудную клетку.

С минуту я стою молча, взвешивая все за и против, но в итоге, поправив лямку рюкзака, бесшумно ускользаю из их квартиры. Даже не попрощавшись. И почему-то мне кажется, это был правильный выбор.

Взглянув на время, ускоряю шаг, потому что до маршрутки остается всего пять минут и следующую придется ждать больше часа. А с искрящим внутри напряжением я не вытерплю на остановке и минуты. Но мне и не приходится...

Спустя жалкую долю секунды со скрипом шин передо мной останавливается большой внедорожник, а дальше все как в настоящем боевике: двери распахиваются, затем из салона выскакивают мужики с переизбытком тестостерона, что не ускользает от внимания даже под свободными футболками. Вот только мои наблюдения уже в следующее мгновение прерывают, а онемевшее тельце запикивают в салон, где под громкий хлопок дверью растворяется мой жалкий писк. Какого хрена?

Ответ приходит слишком быстро, когда справа от себя я замечаю важную персону, часть лица которого скрыта в тени из-за тонированных окон. Но это он. Орлов. Его мощная челюсть

сжимается на моих глазах, после чего мужчина нервно шелкает языком по нижней губе с кольцом.

– Сюрприз, малышка. Далеко собралась? – рокошет он бархатным голосом, а потом склоняется ко мне, кривя губы в оскале и заставляя задохнуться от запаха дорогого одеколона с примесью накрахмаленной рубашки: – Тебе следовало быть умнее. Я ведь не хотел применять силу.

Резко отворачиваюсь от него и втягиваю носом воздух, замерев как мушка, залитая в янтаре. Даже не моргаю, тем более не дышу, крепче переплетая дрожащие пальцы.

– Я заставляю тебя нервничать, Бантик? – Константин нарочито ласково убирает ниспадающую прядь волос с моего лица, отчего все внутренности сжимаются в один большой ком, но мой взгляд по-прежнему обращен к собственным рукам, сложенным в крепкий-крепкий замок.

Я не должна была увидеть этого мужчину еще раз. Не должна сейчас сидеть с ним в одной машине!

– Не называйте меня так... пожалуйста, – последнее слово добавляю тише, чтобы смягчить свой неосознанный порыв надерзнуть.

В ответ мне достается хриплый мужской смех.

– Думаешь, имеешь права указывать мне, как тебя называть? – боковым зрением вижу, как он качает головой. – Ты одна из моих зверюшек, девочка, и я буду называть тебя по кличке. Как собаку. Такие непослушные сучки должны знать свое место. Или мне стоит показать, где твое? – Орлов проводит костяшками пальцев по моей щеке, но я отстраняюсь от его прикосновения. С позволения хозяина разумеется. Пошел он!

– Как понимать ваше "одна из моих зверюшек"? – решаю задать самый, на мой взгляд, безобидный вопрос, но наверняка знаю, что к ответу я не готова. – Вы специально пугаете меня?

Мужской смех становится громче.

– Боже мой, – нараспев протягивает Орлов, – ты идеальный экземпляр для следующего клиента.

Клиента? Нет, нет, нет... Я ощущаю, как мои глаза расширяются, а пульс беспощадно уносится вскачь.

– Это... это какая-то ошибка! Я... Я вам даже по возрасту не подхожу... – нервно облизываю губы и заставляю себя поднять испуганный взгляд на мужчину с холодными серыми глазами. – У нас ведь был договор? Я воспользовалась вашими услугами только потому, что у меня не было другого выхода, но больше мне это не требуется...

– Детка, это не ты воспользовалась нашими услугами, это клуб воспользовался тобой. Надеюсь, ты читала документы, прежде чем поставила свою загогулину на бумаге?

Читала? Нет, конечно же. Алексия заверила меня, что это всего лишь формальности, да и я была такая взвинченная, что подписала, не попытавшись прочесть ни строчки. Господи, только не это!

– Я хочу выйти, – с трудом выдавливаю из себя, часто дыша. – Остановите машину.

Уверена, сейчас я похожа на глупую истеричку, вот только мне глубоко плевать, я хочу оказаться как можно дальше от этого человека.

– Ты выйдешь. Обязательно. Когда мы приедем. – Константин посылает мне подобие своей фирменной однобокой улыбки, но даже на его красивом, будто выточенном из камня, лице с гладко выбритыми скулами и решительным подбородком, благородным прямым носом и аккуратно уложенными черными волосами, это смотрится совершенно недружелюбно, а слова звучат безжалостно и страшно.

Но все становится неважным, когда мужская ладонь опускается на мою коленку и начинает поглаживать ее круговыми движениями, посылая яркие импульсы вспышек страха в каждое нервное окончание.

И единственное, что мне остается, с подступающими слезами смотреть, как монотонно его пальцы порхают по моим ногам. И даже сквозь джинсы я ощущаю эти прикосновения настолько ярко, что едва могу подавить дрожь ужаса и, тяжело сглотнув, перевожу растерянный взгляд на влажные от пота ладони:

– Чего вы хотите от меня? – кусаю внутреннюю сторону щеки в кровь, утопая в болоте неизвестности.

– О, милая, – пальцами он обхватывает мой подбородок и заставляет повернуть голову. Встретиться и захлебнуться равнодушием в его пристальном взгляде. – Не нужно драмы. Ты сама подписалась на это. Сама пришла в клуб.

– Да... – сильно бьющееся сердце мешает говорить. – Но я думала, это только один раз.

– Такая наивная, такая сладкая девочка Варя. – Константин хлопает меня по щеке как собачонку. – Думаю, ты станешь востребована среди всех моих распутных бабочек. Мой милый Бантик.

Дальше все как в замедленной черно-белой съемке. С помехами. Я даже не понимаю, что мы уже приехали, когда из машины меня буквально выволакивают, потому что тело отказывается слушать внутренние инстинкты самосохранения, оно парализовано диким ужасом. Что меня ждет там? Среди красных стен ада?

Мне помогают спуститься по ступенькам, по которым совсем недавно я спускалась по собственному желанию. Но сегодня все не так.

Несмотря на то, что я не оказываю сопротивления, меня ведут вниз как свинью на убой. А потом я вижу эту проклятую дверь в кабинет самого сатаны, в руках которого теперь трепещет клочок похожей на мою жизнь, но меня проводят дальше, крепко удерживая под руки.

Голова начинает безжалостно идти кругом, а к горлу непроизвольно подкатывает комок рвоты, я не могу поверить, что снова здесь. А любая догадка о моем ближайшем будущем пугает. Нет. Убивает. Потому что все происходит слишком быстро, меня заводят в смотровую комнату, сдирают всю одежду, вплоть до трусов, вынуждая трястись как осиновый листочек, прежде чем к моим ногам прилетают латексные куски с брякающими цепями.

– Сходи в душ и надень это, у твоего нового клиента весьма специфические вкусы.

5

МИРОН

Уже двадцать минут, как я вышел из гребанной ванной и сижу за одним столом со своей женой, которая давным-давно стала мне безразлична. Восемь лет назад наши отношения замерзли намертво, и менять этот факт у меня нет никакого желания. Тем более сейчас, когда в этом же доме находится девушка с глазами цвета горького шоколада и блестящими, мягкими золотистыми волосами, что так и умоляли меня намотать их на кулак и задохнуться запахом ванили. А стоит мне провести по своим губам пальцами, что недавно побывали в ее сладкой киске, как в паху все напрягается. Семь вечера. Мне, блядь, всего лишь пять часов нужно продержаться с каменным стояком. Размеренно втягиваю носом воздух. Пять, мать вашу, часов.

– Надолго ты в России? – немного взволнованный женский голос разрушает шлейф моей извращенной фантазии с рейтингом «для взрослых», и я снова вижу ее. Ту, что по документам все еще является моей женой. Но меня это давно не волнует, вот только она явно не согласна с моим равнодушием. До сих пор.

Ольга будто невзначай поправляет идеально уложенные локоны цвета мокко, вынуждая меня проследить за плавным движением тонкой руки и даже мысленно отметить, что за эти годы ее кожа не испортилась. Как и фигура, которую она нарочно подчеркнула с помощью облегающего платья под цвет своих зеленых глаз. Она всегда выглядела достойно, но я научился видеть в ней женщину, которая когда-либо еще раз удостоится моего члена. Больше нет.

– Я задержусь в Петербурге на неопределенное время, – допив остатки виски, со стуком возвращаю стакан на стол и тяжело сглатываю, – нужно уладить кое-какие моменты.

– Где остановишься? – вальяжно подняв бокал вина, она подносит его к губам, вопросительно выгибая бровь.

Явно не в твоей постели, детка.

– Не переживай, – засунув руки в карманы брюк, откидываюсь на спинку стула. – Я снял номер в отеле.

– Ты ведь знаешь, что можешь спать дома. – Соблазнительно отпив глоток вина, Ольга призывно облизывает влажные губы. Сучка отчаянно пользуется отсутствием дочери, но я не отвожу взгляд, хочу, чтобы она посмаковала мой тотальный игнор вместе с бокалом изысканного Мерло.

– Знаю, – равнодушно киваю. – Так же как и ты знаешь, что я заехал только ради Аси. – С минуту тараню ее испытующим взглядом, а дождавшись, когда Ольга сдастся и спрячет уже сверкающие ненавистью глаза в бокале вина, продолжаю: – Забавно, что ты разрешила остаться мне в доме, купленном на мои же деньги.

Пауза затягивается, но я все же получаю настоящее лицо своей жены, без лицемерной маски монашки.

– Ты становишься таким же черствым, как твой брат, – она прочищает горло и, взяв накрахмаленную салфетку, несдержанными движениями вытирает ей руки. Да, проигрывать она никогда не любила. Вот только я никогда и не играл. Потому что в любой игре, даже когда дело касается любви, есть свои правила. Однако в моей жизни их всего два: я либо дышу с человеком одним воздухом, либо лишаю его кислорода. Каждый заслуживает то, что заслуживает. Ни больше, ни меньше.

– Черствым, как брат, значит, – вполголоса цитирую брошенные ею слова и поджимаю нижнюю губу. – Странно, но это не помешало тебе в мое отсутствие прыгать на его члене.

Ольга вздрагивает от моего прямолинейного «комплимента». Уверен, сейчас я отвесил женушке словесную пощечину, передал привет ее проебанной совести и заставил ее сердце

мучительно сжаться, но, разрази меня гром, я с садизмом наслаждался этим моментом. Я ничего не забываю. И сейчас, глядя в растерянное лицо жены, напоминаю нам обоим, кто виновен в том, что она теперь имеет.

– Мирон...

– Спасибо за обед, – нетерпеливо обрываю ее желание повиниться. – Дочь позови, мне нужно идти, – с холодом бросаю Ольге, прежде чем подняться из-за стола и поправить лацканы пиджака.

Отказать жене было гораздо проще, чем дочери. Но давать ей ложную надежду, что наши отношения с ее матерью подлежат возобновлению – тоже не хотел. Я люблю свою дочь и никогда не проявлю к ней подобной жестокости. Поэтому, пообещав в ближайшие дни забрать Асю на пару дней за город на дачу, я покинул дом с более-менее спокойной совестью.

В России я ненадолго, как только решу все рабочие вопросы, сразу же возвращаюсь в Германию, а потратить все свободное время на маленькую бунтарку с шоколадными глазами будет верхом моего эгоизма, которого и без того у меня сполна.

Стоит вспомнить эту маленькую вертлявую задницу с бантиками, как меня по новой утягивает в забвение порочных мыслей. Устало выпустив из легких воздух, мысленно усмехаюсь над собой. Чувствую себя пацаном, впервые заглянувшим под юбку. Но ведь далеко не пацан уже, да и под юбками побывал достаточно. Повидал кисок на любой вкус. Ничем не удивить. Однако по какой-то причине Бантику удалось исправить это недоразумение.

Черт подери, мне просто нужно поспать. Трое суток на ногах. Сначала перелет, после которого напрямик отправился разгрести проблемы на заводе. Шенки начали забывать свое место, пришлось напомнить каждому, на кого они работают. Поэтому после бесконечного хруста костей и сучьих визгов с мольбой о пощаде, мне до скрежета зубов требовалась хорошая разрядка. Что и привело меня в клуб Орлова, где я надеялся снять гробаное напряжение, но в итоге заработал нечто намного худшее.

Одержимость маленькой шлюшкой.

Но красивая ведь, зараза. Большие невинные глаза, кукольное личико с пшеничного цвета волосами и тонкий девичий стан. Не должно ее было быть в том блядюжнике. Хотелось взять ее и сломать, разобрать на мельчайшие детальки, не допустить, чтобы ведьма околдовала. Но позволил. И теперь хочу повторить это еще раз, когда вновь и вновь проигрываю в голове образ сводящей с ума девчонки.

Злюсь сам на себя, кусая зубами сигару. Вспоминая, какие мягкие у нее губы. Вот на хера? А как пахнет эта девчонка? Чистотой и совершенством. Ванилью и медом. Нежностью с пряной ноткой бунтарства, которое сама тщательно скрывает. Но мне хватило секунды, чтобы подсесть на ее острый язычок. И теперь мне хочется узнать, как далеко моя милая Бунтарка способна зайти?

Проклятье, кажется ее невинный запах до сих пор раздражает мои нервные окончания, выжигает легкие к чертям собачьим. Будь она не ладна! Я никогда не возвращаюсь за сексом к одной и той же дырке. Принцип у меня такой. Одноразового использования. И к ней бы не вернулся, хотя солгу сам себе, если не скажу, что она привлекла меня.

И дело не в сексе. Не в том, что она истекала девственной кровью на моем члене. Что-то было в этой девчонке, но что? Какая-то ничтожная искра, которая смогла проделать заметную трещину в моих принципах. Поэтому еще в ту ночь я решил, что найду ее.

Сжав кожаный руль до скрипа в руках, выжимаю педаль газа в пол. Абсурд. Всего лишь шлюха. Одна из них. Или нет. Какая она шлюха, если я был у нее первым? Последним и останусь. Это решение мне изменить не под силу.

Особенная? Хрен знает. Все равно будет моей, каким бы безумием не несло от этой идеи.

Сама подписала себе приговор, а роль палача я возьму на себя. Теперь она моя жертва. А я зверь. Голодный и злой, потому что мне было мало. Хитрожопая сучка ускользнула от меня.

Сначала кончила подо мной пару-тройку раз, а потом огрела бутылкой виски и сбежала.

И если бы не проклятый интерес, что эта дрянь вызвала во мне, она была бы уже в карцере для тех, кто не умеет обращаться с клиентами. Орлов им спуска не дает. Но по неизвестной мне причине, я не хотел, чтобы ей причинили боль.

Никто не имеет права делать это с ней, никто, кроме меня.

Именно поэтому я не сказал Орлову ни слова о том, как упорхнула от меня его бабочка. Потому что знал, найду ее и сам придушу, вот только не думал, что это произойдет так скоро. Не в доме моей дочери. Не вместе с Асей. Больше рядом ноги ее не будет. Все что угодно, но не дай Бог узнаю, что моя дочь причастна к развлечению подруги, убью обоих.

Сука! Терпеть не могу терять контроль над собой. Но с этой я имею все шансы слететь с катушек. Скажу больше, теперь я хочу с них слететь. Она сама зажгла во мне инстинкт гребаного хищника. И я сожру ее, выпью до последнего стога и отравлю, чтобы не досталась больше никому.

За последние два дня я сотни раз приходил в раздражение из-за того, что думаю о ней, хотя не должен. И сейчас думаю, даже когда обжигаю босые ступни о холодный мрамор, прежде чем погрузиться под поток прохладной воды. Смыть с себя все к черту. Вот только как смыть то, что забралось клещом под кожу?

Я не ждал, что моей одержимостью станет маленькая шлюшка. Но это произошло.

И только за то, что она так быстро забралась мне в голову, я готов свернуть ее тонкую шейку.

Какого вообще хера я одурел от нее, как от эксклюзивного метадона?

Нет, до вечера я не дотерплю.

Я должен избавиться от этого привыкания, иначе меня разорвет.

Вот только ни разрядка в душевой, ни бутылка виски не в силах искоренить глубоко сидящее внутри желание оказаться именно в ней.

Скоро, уже скоро.

Откинувшись на спинку кресла и ощущая приятное предвкушение, прикрываю глаза, пока меня не отвлекает входящий звонок.

С усталым вздохом протягиваю руку и подношу телефон к уху, предварительно увидев на экране имя своего человека.

– Слушаю. – Взяв стакан с остатками виски, делаю большой глоток.

– Мирон Александрович, девушка не спустилась к назначенному времени, – голос водителя спокойный и ровный.

– Баринов, девочкам свойственно опаздывать, стой и жди.

Но грудь уже наполняет неприятное чувство тревоги. Неужели я недооценил девчонку?

– У меня есть информация, что она в клубе у Орлова.

Пауза.

За жалкое мгновение ярость сдавливает горло пылающей злостью, а уже в следующее тишину нарушает звук стекла, разбившегося о стену.

У Орлова, значит. Раздраженно провожу языком по зубам. Проклятая дрянь! Моего члена ей мало?

– Машину мне подгони! – рывкаю в трубку и сбрасываю, ощущая, как мое тело приходит в опасное напряжение.

6

Было глупо давать девчонке свободу. Что, блядь, творилось в ее кукольной голове, когда она решила послушаться меня? Идиотка!

Сжав пальцами переносицу, устало качаю головой, надеясь, что у меня хватит терпения сказать ей хоть слово, прежде чем моя рука сомкнется вокруг ее горла.

Внезапный входящий звонок вырывает меня из потока гневных мыслей. Ася. Твою мать, милая, ты совсем не вовремя. Но когда телефонная трель повторяется из раза в раз, стиснув зубы, я резко провожу пальцем по экрану и подношу телефон к уху.

– Дочка, – коротко приветствую Асю.

– Пап, – она запинается из-за волнения, чувствую это по тому, как дрожит ее голос, – у меня не получится поехать с тобой в выходные на дачу.

Мысленно ухмыляюсь. Узнаю Ольгу, настроить дочь против меня: может, умеет, практикует.

– Хорошо, давай выберем время, когда ты сможешь.

Опять молчание, только шумное дыхание на другом конце провода.

– Я... я просто думала, что мы поедем всей семьей... как раньше, – слышу в ее голосе горечь разочарования и в сотый раз чувствую себя мудаком. – В общем, не знаю, что у вас произошло, но мама очень расстроилась и до сих пор плачет, ты можешь хотя бы ради меня быть с ней помягче? – слышу протяжный вздох дочери и сжимаю кулаки до заметного хруста, когда она продолжает: – Мы ведь так сучали по тебе, пап. Не отталкивай нас.

Твою мать! Она меня убивает.

– Я никогда не отталкивал тебя, ласточка, – втянув воздух, проглатываю неуместное раздражение. – Но совместное времяпровождение с твоей матерью не кончится ничем хорошим!

Ася снова молчит, думает, и это тоже не предвещает ничего хорошего.

– Ладно, – наконец слышится на другом конце провода. – Тогда я возьму с собой Варю. С ней-то нет никаких проблем?

Будь я проклят! Хотя, что это, если не проклятье.

– Я подумаю, Ася, – сдержанно произношу я, подписывая себе приговор. Потому что знаю наверняка, дочери отказать не смогу. Не в такой ситуации.

– Буду рада, если ты согласишься, – уже более воодушевленно произносит Ася. – Она хорошая, правда, пап. Не злись на маму, что она разрешила Варе пожить у нас, у нее проблемы в семье, ей очень тяжело.

Проблемы в семье... Какие, черт возьми? Но этот вопрос я оставляю при себе, проявлять интерес будет неуместно. Да и мне должно быть насрать, что там и как.

– Ты ведь знаешь, что я не могу тебе отказать, – с теплотой отзываюсь я, слыша по голосу дочки, что она улыбается.

– Спасибо! Ты замечательный!

Завалив меня тонной нежности, спустя пару минут дочка все же завершает разговор. А я уже мысленно представляю Армагеддон, который меня ждет. Поехать на дачу с ночёвкой с дочерью и ее подругой. Подругой, которая действует на мой член, как кусок мяса на голодную собаку.

Под шум собственных мыслей я даже не замечаю, как Баринов уже паркует машину у клуба Орлова, и теперь проблемы, касающиеся поездки на дачу, кажутся ерундой на фоне того, что сейчас ожидает меня в стенах порочного убежища.

Запахнув пиджак, я пересекаю парковку и направляюсь ко входу для персонала, без труда минуя охрану и несколько длинных коридоров, пока служба не раскрывает передо мной дверь,

впуская к хозяину этого пристанища чертей. И вот передо мной сатана собственной персоной с кольцом в губе.

– Ягумнов! – Орлов делает вид, что мой приход для него неожиданность. – Рад тебя видеть, ты за добавкой?

Ухмыльнувшись, с напускным спокойствием выдвигаю стул и, обменявшись со старым знакомым рукопожатием, усаживаюсь напротив.

– Не томи, Мир, чем обязан личной аудиенцией? – оттопырив нижнюю губу с пирсингом, приятель откидывается на спинку кресла и соединяет пальцы рук. А я в это время стараюсь убедить себя, что по сути Орлов просто делает деньги на таких глупышках как Бантик, а я ничуть ни лучше, когда прихожу к нему и выбираю очередную подстилку для удовлетворения физиологических нужд. Но, блядь, не в этот раз! Мне подсунули самый настоящий наркотик, и теперь я не проявляю былое понимание. Теперь я хочу забрать из его картотеки один экземпляр, из-за которого у меня заметно поехала крыша. А как представляю, что она может уже вовсю объезжать своей миниатюрной задницей очередного клиента, кишки выворачивает.

Сжав челюсти, я пытаюсь сдержать ярость, что еще слишком свежа, под контролем, но шлюзы упорно норовят открыться и выпустить на свободу вихрь терзающего меня гнева. Потому что, хрен знает почему, мне не плевать на эту девчонку, и сейчас я готов медленно, палец за пальцем переломать Орлову все конечности только за то, что он дает возможность девушкам продавать свои тела, вводя в заблуждение о легком заработке. В свою очередь Орлов использует этих безмозглых секс-кукол как пешек, по горло купаясь в грязных деньгах, отдавая им только мизерную часть наживы. Ублюдок хорошо промывает им куриные мозги.

Потому что деньги этот человек любит и ценит больше, чем человеческую жизнь. Надеюсь, этого аргумента будет достаточно, и мы обойдемся без крови. Я пришел за Бантиком и с пустыми руками не уйду.

– Я к тебе с прибыльным предложением, Кость, – говорю вполголоса, медленно барабана пальцами по дубовой столешнице, когда серые глаза Орлова сталкиваются с моими, прежде чем на его лице появляется легкая усмешка. – Я хочу ту девчонку с татуировками бантиками.

– Допустим, – с безразличием выдает он, не лишая меня своего внимания, – но сегодня она уже занята.

Я не хочу этого слышать!

Блядство! Гребаный членосос!

Мне требуются титанические усилия, чтобы не ринуться с места и не вырвать Орлову мерзкий язык, а потом затолкать его обратно в глотку вместе со сказанными им словами.

Однако вместо этого я проявляю гребаное спокойствие, которое прямо сейчас отравляет мои вены хуже яда.

– Я заплачу в пять раз больше названной тобой цены, и больше эта девушка не будет иметь к клубу никакого отношения.

Орлов с новым интересом сосредоточенно смотрит на меня, но тут же прячет алчный блеск под привычным ему холодным туманом безразличия. Только мне этого достаточно и я понимаю, теперь он будет набивать цену.

– Ты ведь знаешь, – Костя нарушает созданную им же паузу, – все, друг мой, что находится здесь, продается, но только на одну ночь. Девочка подписала договор, все более чем законно. Силой я ее сюда не тащил.

– Я не спрашивал разрешения, – предупреждаю, теряя самообладание. – Где она?

– Девочка работает, Мирон, не начинай то, что никому здесь не нужно. Я свои права знаю и на твою территорию не лезу...

Договорить он не успевает, потому что я мгновенно оказываюсь рядом и с утробным рычанием хватаю его за грудки.

– Мне, блядь, повторить дважды?

– Тебе не понравится то, что увидишь, – дразнит меня оппонент.

Проклятье! Грубо швыряю Орлова обратно в кресло, и оно проезжает пару сантиметров, а я, не теряя времени, которого у меня нет, вылетаю в коридор, пока в голове с каждым новым шагом громче звучит сводящее с ума:

«Тебе не понравится то, что увидишь».

Если она там, где я думаю, последствия не понравятся здесь никому. Дерьмо! Адреналин разгоняет мой пульс до предела, пока я вышибаю дверь за дверью. Где эта проклятая девчонка?

А когда выбиваю самую последнюю, замираю на пороге, позволяя представившейся мне картине застелить глаза алой пеленой ярости и разорвать все живое, что во мне осталось. Уничтожить последнюю каплю человечности. Спустить моего внутреннего зверя с проклятого поводка...

7

В голове фоном играет непрекращающийся поток матов, пока я смотрю на ту, что еще секунду назад желал придушить. Только теперь, яростно всматриваясь в каждый кровоподтек на ранее идеальной фарфоровой коже, хочу прикончить ублюдка с плетью в руках.

В грудь будто топор воткнули и тут же небрежно вырвали, оставив переломанные кости истекать кровью. Потому что передо мной висит тело. Тело, блядь, обладательница которого даже не в силах поднять на меня взгляд.

Но я знаю, что это она.

Ее золотистые волосы заплетены в тугую косу, что свисает так же, как и поникшая голова с кляпом во рту. Из уст девушки медленно вытекает слюна, падая на перетянутую веревкой грудь и стекает на соски, пережатые металлическими зажимами. Твою ж мать...

С трудом перемещаю взгляд на разъяренного мужика, отмечая стоящий член, заметный даже сквозь плотную ткань джинсов, и понимаю, что ублюдок еще не добрался до конечной стадии. Нездоровое облегчение скручивает внутренности, и я гулко выдыхаю в пустоту.

– Убирайся, – произношу слишком спокойным для подобной ситуации тоном, а сам уже сжимаю и разжимаю кулаки, мысленно ломая челюсть больному ублюдку.

– Какого хера? – тяжело дыша, возмущается амбал, на лице которого красуется шрам, такие же я замечаю на его перекаченной груди и спине, потому что из одежды на нем только джинсы. – Моя сессия закрытая! Вали отсюда!

Втянув воздух обратно, проглатываю рык вместе с парой тройкой матов на немецком и делаю первый шаг в его сторону.

– Что, блядь, ты там бормочешь? – рявкает, злобно сверкнув обезумевшими от кайфа глазами, также ступая мне навстречу.

Но внезапная хватка на плече останавливает меня, и я уже знаю, что это люди Орлова. Как бы цинично он не относился к своим проституткам, они всегда находились под его защитой. Вот только увиденная картина сорвала мне все тормоза, выдернула из головного мозга чеку и терпение взорвалось серым пеплом.

Без слов перехватываю руку охранника и под аккомпанемент хруста и утробного стога выламываю ему кисть, замечая, как второй тут же достает ствол. Орлов дал своим щенкам карт-бланш? Смело. Сосунки думают, со мной можно так просто расправиться? Придется разочаровать их, веселья не будет, и прежде, чем он направляет в мою сторону дуло, я скрываюсь за телом его коллеги, ощущая, как оно дергается от двух выстрелов, предназначавшихся мне.

Не дожидаясь, пока вооруженный вышибала перезарядит обойму, я толкаю на него уже безжизненное тело, из-за чего тот выпускает из рук оружие, которое через мгновение оказывается в моих, а перезаряженная обойма устремляется в людей Орлова. Сам Бог видел, не я это начал, но именно я закончу.

Попытка нападения лишь подстегивает бушующую во мне ярость, и оставаясь в красной зоне обезумевшего разума, я захожу в комнату и простреливаю ублюдку, который уже взял деревянный лом, сначала одно колено, затем второе, вынуждая того со сдавленным воплем завалиться на пол.

Но не успеваю я перевести взгляд на подвешенное тело Бунтарки, как за спиной раздается тяжелый топот ботинок, свидетельствуя о количестве приближающегося стада. Проклятье! С двумя да, но с толпой... Качаю головой, выравнивая дыхание настолько, насколько это возможно в данной ситуации. Я, блядь, не гребаный терминатор.

– Оружие на пол! Быстро! – мужской бас врывается мне между лопаток, прежде чем в затылок угрожающе упирается холодный металл.

Усмехнувшись, я дергаю головой, избавляясь от раздражающего давления, и бросаю пистолет на пол, ногой пиная его к стене.

– Довольно! – внезапно из динамиков раздается строгий голос Орлова и его псы замирают. – Последствия теперь неизбежны, Ягумнов, ты перешел все границы, так что забирай ее и больше не появляйся в моем клубе. – Мужской голос сменяется помехами. Ненадолго. – Просто предупреждаю, больше поблажек не жди.

Уперев руки в бока, я фыркаю, жалея, что сейчас он не в шаговой доступности, потому что в данной ситуации поблажка понадобилась бы ему. И чтобы не натворить дерьма, ведь в данной ситуации я в меньшинстве на чужой территории, шагаю к девушке.

– Пидор, – цежу сквозь зубы и начинаю снимать изнеможенное тело Бунтарки с кандалов. А стоит мне услышать непонятный звук, излившийся из ее насильно открытого рта, как в живот будто вгоняют ржавый бур.

Черт подери...

Ярость по новой набирает обороты, раздирая вены в ключья. Такая маленькая и беззащитная, попала в руки большого садиста.

Внезапно в мозг закрадывается дерьмовая догадка, что все это не случайность. Для подобных клиентов у Орлова всегда была отдельная категория проституток, а тут он вдруг наступает на свои принципы и подвергает девчонку насилию. Я еще в ту ночь задумался, почему он подsunул мне девятнадцатилетнюю целку...

Очередной болезненный стон возвращает меня к Варе, когда я начинаю вынимать из ее рта кляп. Она даже пошевелить губами не в силах, и я помогаю ей, мягко массируя пальцами затекшую челюсть, пока Бунтарка не падает безвольной куклой мне на грудь. Наконец избавив ее от последних садистских украшений, я укутываю девчонку в свой пиджак и, подняв на руки, сразу же направляюсь прочь. Однако шеренга псов Орлова по-прежнему стоит на месте.

– Надеюсь, ты запомнишь мой подарок, – Орлов бросает мне в догонку с надменностью в тоне, а потом снова отдает команду: – Пусть уходит! Клиента в смотровую.

У Орлова слишком большое эго для такой щедрости, это может обернуться большими неприятностями. Слишком быстро моя потенциальная проблема с бантиками переросла в реальную. Но и я не пальцем деланный, каждый в этом городе знает, что со мной связываться не стоит, были те, кто пытался. Ключевое слово – были. Не ожидал, что Орлов предпочтет оказаться в том же ряду.

С этой последней мыслью я переступаю через мычащую тушу и широкими шагами покидаю чужую территорию, понимая одно: я заплачу за эту девчонку слишком большую цену, и измеряется она не в деньгах.

Забравшись на заднее сиденья внедорожника, аккуратно устраиваю Варю у себя на коленях и кивком отдаю распоряжение водителю, после чего мы незамедлительно трогаемся с места.

И только сейчас, немного остыв, ощущаю, как трясется зажатое в моих руках тельце. Я для нее не лучший вариант, но патологическое желание защитить девчонку выжигает весь здравый смысл, вот только кто защитит ее от меня?

Наплевав на все, начинаю пальцами бережно освобождать шелковистые волосы из тугой косы. Распускать их мягкими волнами по дрожащим плечам и спине, накрытыми моим пиджаком.

Я даже не успеваю понять, как быстро поддаюсь какому-то ранее неизвестному мне гипнозу и рядом с ней окончательно обретаю спокойствие, зарываясь носом в ванильные локоны, наполняя легкие одурманивающим запахом ангела.

Ангела, лишённого крыльев.

И я совершенно не знаю, что мне с ней делать.

8

ВАРЯ

Я все время пребываю в какой-то прострации, то прихожу в себя, то снова уплываю в темноту, но каждый раз, когда мне удастся открыть глаза, картины меняются, а сердцебиение учащается, проявляя признаки жизни и запуская в кровь слабую дозу адреналина.

Мозг все еще не может нормально функционировать, наверное поэтому я больше не ощущаю былого страха, как и сковывающих мое тело кандалов и веревок с прочей ерундой. А вместо красных давящих стен и мелькающего перед глазами кнута, меня уже заносит в какое-то помещение с приглушенным светом и влажным воздухом, где приятно пахнет мятой и немного цветами.

Нет, это все нереально, я не верю, что выбралась из ада.

А что тогда это? Сон? Галлюцинация? Жива ли я еще? Или так пахнет рай? В любом случае это лучшее, что я чувствовала за последнее время.

И особенно я понимаю это, когда мое тело медленно опускают во что-то теплое, правда от невольного испуга резко втягиваю воздух и цепляюсь руками за чьи-то плечи... крупные такие плечи... мускулистые... Паника по новой бьет колоколом прямо в горле, лишая возможности дышать.

Начинаю оказывать сопротивление, потому что пугающая догадка, что я все еще жива и ничего не закончилось, приводит затуманенный разум в ужас. А от мысли, что тот больной ублюдок утопит меня как слепого котенка, даже закричать пытаюсь, но рот словно набит осколками...

С трудом вырываюсь из кокона беспомощности и первое, что вижу более осознанно – лицо Асиного папы. Слабый вздох слетает с дрожащих губ, и его образ скрывается за плотиной слез. Отчаянно цепляясь за его крепкие плечи, теперь я пытаюсь удержаться за них, чтобы не упасть обратно в темную пропасть, но одновременно абсолютно отказываюсь верить в то, что передо мной он... Я заставляю себя несколько раз моргнуть, но получаю лишь сноп белых мушек, окончательно лишаясь способности увидеть хоть что-то, прежде чем меня полностью погружают в воду.

Сквозь зубы вылетает сдавленное шипение, потому что тело начинает неприятно покалывать, особенно остро онемевшие руки ощущают резкую смену температуры. Такое чувство, будто меня обвалили в стекловате. Сглатываю деревянный ком в горле, из которого тут же вырывается приступ кашля. Я буквально задыхаюсь от проникшего в меня горячего воздуха. Или таким он показался моим горящим легким, что недавно разрывались от собственных криков. Нет, трясусь головой, я не хочу сейчас вспоминать тот ужас, но стоит мне ощутить на затылке мужскую руку, как автоматически съезживаюсь. Вот только любое движение еще отдается эхом боли.

– Не бойся, ты в безопасности, – низкий голос словно накрывает всю меня бархатным покрывалом, а ладонь, что секунду назад я хотела оттолкнуть, теперь мягко массирует кожу голове.

– Оставьте меня, пожалуйста...

Обняв себя за плечи, я поворачиваюсь к Мирону спиной, содрогаясь от ускользающих из глаз соленых капель. Потому что, чем больше прихожу в себя, тем сильнее накатывает на меня волна стыда и смущения. Особенно когда я смутно вспоминаю, как он пытался дать мне воды, а меня вывернуло наизнанку прямо на сиденье дорогой машины. В груди разгорается колючая неловкость, ведь скорее всего именно Мирон и вытер с моего лица остатки рвоты... Только зачем ему?.. Почему он это делает?

Из очередного потока мыслей меня вырывает аккуратное прикосновение, и уже в следующее мгновение я лежу на спине, а надо мной нависает тот самый красивый мужчина. И так проходит несколько минут, под прицелом его холодных и потемневших синих глаз, прежде чем я снова слышу мужской голос:

– Варя, – его грубые пальцы вытирают мне стекающие из глаз слезы, а от того, с какой нежностью он произносит мое имя, и вовсе хочется умереть. Это не может быть правдой, но вместо того, чтобы продолжить говорить, он убирает от меня руку и с глухим вздохом склоняет голову. Покачав ей, отталкивается от краев ванны и отходит в сторону. А я даже не провожаю его взглядом, так и лежу с часто колотящимся в груди сердцем, отчаянно глотая безысходность, пока надо мной вновь не нависает мужская тень.

– Тебе нужно выпить это. – Мирон наклоняется, протягивая мне стакан и пару таблеток. – Давай, девочка, станет легче.

После того как выпила таблетки, Мирон оставил меня одну. Вот только облегчения я от этого не испытала, потому что за жалкое мгновение коварные мысли окружили меня со всех сторон, будто колючие стены, грозящие сдавить в любую минуту. И самое страшное, мне не отбиться от них.

Я думала, что подписала документ на оказание разовых услуг (которого, как оказалось, просто нет существует). Но в итоге мой автограф теперь сверкает на договоре об официальном трудоустройстве на должность танцовщицы, а в случае, если я увольняюсь раньше времени, должна выплатить неустойку в размере баснословной суммы, которой у меня не появится, даже если я продам свое тело на органы. Это не считая того, что ублюдок так и не выплатил мне всю обещанную за первую ночь сумму...

Я попала в самое настоящее болото и теперь не знаю, как выбраться. Ни денег, ни возможностей. Стоит только подумать, что я снова окажусь в том чистилище, как мои внутренности пробирает от заметной дрожи. Не хочу...

А потом даже не замечаю, как мои мысли сдувает в сторону серого волка. Моего спасителя. Или нет?

Ухожу под воду и спустя мгновение резко выныриваю с шумным вздохом, проводя ладонями по мокрым волосам.

Мне совершенно неизвестно, что будет меня ждать, когда я выйду за дверь, но внезапная забота этого мужчины все же побуждает меня довериться ему, если после случившегося такое вообще возможно. Потому что я слишком часто доверяю свою жизнь тому, кому доверять не стоило. Как и свои решения. Правда, ругать себя за это уже поздно.

Не знаю, сколько времени я провожу наедине с собой, но вода уже порядком остыла и теперь мне хочется как можно скорее выбраться из нее и оказаться в кровати. Заснуть и забыть все, будто страшный сон, по крайней мере, я очень на это надеюсь.

Набрав полные легкие воздуха, я не без труда выбираюсь из ванны и дрожащими руками тянусь к приготовленному для меня полотенцу, прежде чем начать аккуратными движениями промакивать пострадавшее тело.

Внезапно вижу свое отражение в большом панорамном зеркале, его сложно не заметить, потому что оказывается, ванная комната состоит из многочисленных зеркал, украшенных живыми цветами. Но окружающая меня красота меркнет на фоне моего тела...

Подойдя ближе к зеркалу, я невольно прослеживаю пальцами одну из отметин на груди. Я похожа на карту вселенной с млечными путями. Даже боюсь представить, через сколько все это заживет и как мне придется скрывать отметины моей тайной жизни от Аси. Как вдруг вспоминаю указание Мирона и перевожу взгляд на баночку с лечебной мазью.

Взяв в руки, неуверенно открываю ее и подцепляю кончиком пальца, после чего наношу на уже посиневший след от кнута. Зажмуриваюсь, потому что немного жжет, но уже через пару минут привыкаю к дискомфорту и теперь смелее наношу лекарство на увечья, не упуская и

пострадавшие соски, которые, кстати, болят сильнее всего. Однако в следующую секунду я замираю как испуганная лань, потому что позади себя замечаю мрачную фигуру Мирона.

9

ВАРЯ

– Что вы... – дыхание перехватывает, когда Мирон собирает мои мокрые волосы в хвост и аккуратно убирает их через плечо. Почему он так нежен со мной? Это чувство совершенно неуместно рядом с этим волком. Я скорее поверю, что это очередная извращенная игра.

Черт возьми, как же все сложно, невольно я снова возвращаюсь к чудовищным воспоминаниям, но мозг все еще окутан странным туманом, из-за которого у меня даже временные провалы в памяти, потому что я не помню, как оказалась подвешенной в той комнате, и пришла в себя только от резкого жжения на коже. Даже с первыми ударами не издавала ни звука, но тот ублюдок это исправил.

– Прекрати дергаться, я не собираюсь причинять тебе боль, – вздрагиваю, когда слышу голос Мирона, у него он слишком зычный и хрипловатый, но звучит очень приятно, особенно в сочетании с тем, что он говорит. – Для тебя это не очевидно?

Нет, для меня не очевидно. Мне вообще ничего не ясно в этой никчемной жизни.

– Мне кажется, это неуместно... – набравшись смелости, бормочу себе под нос. Он такой большой и, кажется, даже немного злой?

– Напомнишь мне об этом, когда мой член будет глубоко в тебе.

Ох... мои щеки вмиг окрашивают все цвета красного, потому что Мирон произнес эту пошлость, глядя мне в глаза через зеркало. Гипнотизируя своими темно-синими льдинами, которые буквально грозят порезать в самое сердце. И мне хватило проявленной с его стороны дерзости, чтобы на мгновение забыться и испытать невинное смущение, опустив глаза в пол.

– Зачем вы забрали меня? – тянусь за полотенцем, чтобы прикрыться, но он не позволяет мне. Просто перехватывает руку и возвращает ее на место. Да, глупо стесняться его, мы же вроде как уже трахались. Но все же при данных обстоятельствах мне неловко. Во-первых, я теперь знаю, что этот мужчина отец моей подруги. Во-вторых, я больше не скрываю свое лицо. Я уязвима. И, в-третьих, он видел то, что сделали со мной и даже сейчас делает вид, что мое изувеченное тело его ни капли не смущает. Чего не могу сказать о себе, потому что не хочу, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии. Я по-прежнему не получаю ответа и наконец поднимаю взгляд, чтобы увидеть лицо Мирона. Только я ничего не вижу, он, как и всегда, смотрит с непроницаемой холодной маской равнодушия. – Зачем вы спасли меня? – уже увереннее требую от него, крепко вонзая ногти в ладони.

– Не спрашивай. Не думаю, что тебе понравится ответ, – заявляет с холодной решимостью. И снова наступает тишина, во время которой он обводит взглядом каждый сантиметр моего некрасивого тела, а я неосознанно пытаюсь прикрыться руками. Но и это он мне не позволяет, опуская их вдоль тела. – Я не хочу, чтобы ты закрывалась от меня.

– Но я хочу, – закусываю губу, потому что сейчас огрызнулась. На что он только качает головой и молча берет баночку с мазью.

– Чем скорее ты поймешь, что твои «хочу» не имеют никакого значения, тем меньше будешь раздражать меня.

Раздражать? Ощущаю, как мои губы вытягиваются в «О». Ничего не понимаю. Точнее сейчас его поведение намного ближе к реальности, и все же мне бы хотелось понять, что происходит в голове Мирона. Потому что его нежность постепенно улечучивается, сменяясь привычной дикостью этого мужчины.

Внезапно с губ срывается шипение, когда он наносит мазь в область моих лопаток.

– Какого черты ты вернулась в клуб? – едва не рычит он, продолжая смазывать мне поврежденные участки кожи, а я лишь кусаю губы, любясь тем, как мой волк заботиться обо мне.

Грубо и в то же время как-то особенно. Складывается впечатление, будто я действительно раздражаю Мирона, но в то же время изредка вижу его взгляд, за которым скрывается какое-то понимание и сожаление. – Ты оглохла?

Вздрагиваю от резкого обращения.

– Я не возвращалась туда. – Чувствую, как хмурю брови. – После нашего милого общения в доме вашей жены, я собрала вещи и поехала к отцу, – мой острый язычок начинает работать быстрее мозга. Удивительно, как действует на меня этот мужчина. – Но не успела дойти до остановки, потому что меня насильно усадили в машину к Орлову.

– Хочешь сказать, он сам тебя забрал? – прищуривается Мирон, глядя на меня через зеркало так, будто я несущая чушь.

– Да, хочу сказать, что меня забрали силой, надели латексное дерьмо и напичкали какой-то херней! – даже не замечаю, как начинаю раздражаться, а сжатые в кулаки руки уже дрожат. «Я не шлюха! Я не возвращалась туда!», хочется прокричать мне, но вместо этого молча кусаю губы.

– Блядь! – слышу резкое рычание за спиной, а потом на моих плечах уже оказывается мягкий махровый халат.

И как мне расценивать его ругательство?

– Прекрати кусать губы! – прилетает мне следом предупреждение. – Идти можешь?

Сделав обреченный вздох, я поворачиваюсь и, сильнее укутавшись в мягкую ткань, поднимаю взгляд на злого волка.

– Что теперь будет? – звучит жалко, но наверное я и выгляжу подобающе.

Мирон подцепляет пальцами мой подбородок и с большим нажимом проводит по нижней губе, я даже упускаю тихий стон, после чего синяя радужка волчьих глаз вспыхивает.

– Теперь ты принадлежишь мне.

Моя челюсть без спроса опускается вниз. Господи, скажи что я ослышалась, умоляю.

– Давай, пошли, тебе нужно поспать. – Тяжелая ладонь опускается на мою поясницу, и я невольно подпрыгиваю на месте, прежде чем начать мельтешить ногами.

Зайдя в спальню, ощущаю, как мои глаза расширяются от помпезности интерьера: большие окна, многоуровневый потолок, мраморный камин, лепнина, растительный орнамент, живописные фрески и кровать с балдахином размером king size. И давление на пояснице снова направляет меня именно к ней.

Забравшись с ногами на мягкий матрас, практически с головой накрываюсь шелковым покрывалом, от блаженства забывая о боли и том, что на меня смотрит посторонний мужчина. Но когда ловлю на себе его мрачный взгляд, замираю. Смотрю в ответ и не отвожу глаз, игнорируя спирающее от подступающих слез дыхание. Потому что вопреки всему случившемуся, мне нравится этот мужчина. Очень нравится. Так же как и нравится то, что он защитил меня.

– Спи. – Его подбородок с этого ракурса напоминает выточенный гранит, покрытый седой щетиной. А потом я прослеживаю, как вальяжно он садится в кресло, находящееся в углу комнаты и прикуривает сигарету. Именно сигарету. И, черт возьми, он делает это слишком провокационно. Настолько, что мне хочется свести бедра.

И все же я нахожу в себе силы улечься на подушку и закрыть глаза. Сейчас, как бы странно это не звучало, я ощущаю спокойствие. Потому что мой волк рядом, а значит и сон мой будет под охраной. Меня даже убаюкивает запах дыма, пока до спутанного сознания не доносится телефонную трель. А когда я слышу, как Мирон произносит «Ася», сон разбивается в щепки, а уши превращаются в локаторы, которые улавливают все до малейших частот. И мне не нравится то, что я слышу.

Но через некоторое время комната снова погружается в тишину, и я улавливаю лишь, как он затягивается сигаретой, однако сквозь туман сна я так же распознаю звон стекла и звук наливающейся жидкости. И все же мои глаза остаются закрытыми.

Вот только как бы отчаянно я не пыталась заснуть, ничего не выходит. Потому что стоит мне хоть на немного погрузиться в морок дремы, как перед глазами снова мелькают картины летающего хлыста. Мне страшно засыпать. И так же страшно признаться в этом. Поэтому я просто ворочаюсь, наверное даже сама этого не осознавая, пока матрас с одной стороны не проминается. Но больше ничего не происходит. Минута, две, три, пять... Напряжение мешает даже дышать, и я не выдерживаю, поворачиваюсь и, открыв глаза, вижу сидящего рядом Мирона. И он смотрит на меня. Порабощает до дрожи и до участившегося пульса одним только взглядом.

– Не спится? – крупная мужская ладонь касается моей щеки, и сердце заходится в трепете.

– Мне страшно, – признаюсь я сквозь капли смущения и невольно трусь щекой о его руку, успокаиваясь от окутывающих меня запахов мужского парфюма вперемешку с дымом табака и терпкостью алкоголя. Рядом с Мироном хорошо. Даже алкоголь пахнет иначе, не как перегар, в котором я росла с самого детства. – Может ты останешься со мной? – без спроса вырывается глупый вопрос, и я тут же жалею о нем. Особенно, когда понимаю, что перешла с ним на ты. В груди все спирает и пальцы сильнее сминают простынь. А потом я решаюсь поднять взгляд и едва не давлюсь от волнения, потому что в следующее мгновение он укладывается рядом и, просунув под меня руку, притягивает спиной к своей груди, а затем с шумным вздохом зарывается в волосы носом, прежде чем я слышу:

– Глупый Бантик.

10

На следующий день я не сразу осознаю роковую действительность. Но стоит мне попытаться потянуться, как тело охватывает колющее жжение, напоминая, что все случившееся произошло на самом деле.

Провожу ладонями по лицу и с шипением присаживаюсь на кровати, изучая взглядом комнату, освещенную слабой подсветкой на высоких потолках с позолоченными вставками, отмечая про себя, что окна закрыты плотными шторами, из-за чего мне трудно определить время суток.

Но это становится неважно, когда в памяти всплывают вчерашние события, однако я предпочитаю помнить только о том, как Мирон занес меня в ванную, а потом помог обработать раны и даже согрел своим присутствием мой сон...

Внезапно слышу шорох, прежде чем спальню заполняет яркий свет, сливающийся с моим стоном, отчего я болезненно зажмуриваюсь, пока не слышу низкий мужской голос:

– Доброго дня. – Внутри все замирает, и я тяжело сглатываю, когда вижу объект, способствующий моему резкому пробуждению, ощущая, как в животе тут же что-то сжимается. – Голодная? – Мирон делает шаг в мою сторону, мощной фигурой буквально заслоняя свет из проема панорамного окна.

Снова сглатываю и медленно киваю, аккуратно опуская ноги на пол. При дневном освещении спальня кажется еще просторнее, а кровать заметно больше, но все великолепие меркнет на фоне brutального мужчины, который с легкостью забирает мой покой, нарушая все важные функции в организме. Чувствую себя рядом с ним пенсионеркой с вечно скачущим давлением и неровным дыханием.

– Поешь и выпей таблетки, – его командирский тон вынуждает все внутри воспротивиться. Вчера ночью он был так ласков со мной, и я наивно полагала, что получу эту ласку и утром, но видимо с восходом солнца от того мужчины не осталось и следа. Сейчас Мирон как никогда собран. На лице непроницаемая маска безразличия. Волосы аккуратно убраны назад, безупречная щетина и под стать идеально выглаженный брючный костюм в крупную клетку. И я, растрепанная, в одном халате посреди огромного номера под прицелом синих волчьих глаз. Но вопреки всему я всматриваюсь в его глаза, не боясь порезаться об острые льдины, и даже на крошечное мгновение мне удается рассмотреть за темной радужкой аквамариновый просвет. Но он исчезает, стоит мне проследить, куда переместился его взгляд. Вот черт... Сердце начинает болезненно биться о ребра, когда я понимаю, что полы халата разъехались и обнажили перед ним все мои прелести. За одно мгновение воздух становится густым и плотным, застревая по пути в легкие. – Я тороплюсь, – напоминает он, прочистив горло, а потом, как ни в чем не бывало, закуривает сигарету и после сильной затяжки облизывает губы, выдувая струю дыма и с зажатой между пальцев сигаретой смотря на меня сквозь паровую завесу.

– Вообще-то запах сигарет по утрам не пробуждает у меня аппетит, – шевелю пересохшими губами, пытаюсь подавить раздражение. Потому что сейчас и правда чувствую, как желудок сжимается, стоит клочку дыма проникнуть прямо в нос. Морщусь, отмечая, как Мирон удивленно вскидывает брови и хмыкает, по голодному обхватывая зубами фильтр.

– Вижу, тебе лучше, – произносит он с сигаретой во рту, пройдя по мне удовлетворительным взглядом, от которого мне хочется вжать голову в плечи. – Хорошо, – следует после недолгой паузы, – а теперь ешь, – выдыхает он вместе с дымом и усаживается в кресло, широко расставляя ноги. И мне приходится приложить все усилия, чтобы не уподобиться ему и его плотоядным разглядываниям. И все же натянута в мужском паху ширинка не ускользает от моего внимания.

Что ж... Заправляю волосы за уши, уже представляя, как буду выводить их из ужасно плачевного состояния, и несмело перебираюсь, как оказывается на все еще дрожащих ногах, в кресло рядом с Мироном, где стоит поднос, накрытый серебристой крышкой.

И в какой-то мере я могла бы даже быть счастлива, если бы не дискомфорт, который сегодня играет на моем теле более ярко. И если бы этот мужчина не был отцом моей подруги. Да и от любой мысли о том, что меня ждет сегодня или как мне выбраться из навалившихся проблем, – хочется повеситься как мышь в пустом холодильнике.

Не дождавшись от меня каких-либо действий, Мирон нетерпеливо цокает языком и сам снимает крышку, придвигая ко мне поднос, заставленный едой.

Ох, божечки, тут и свежесжатый морковный сок, узнаю его, когда склоняюсь и вдыхаю сочный аромат, будто нахожусь рядом с грядкой, и омлет с беконом, и даже блинчики с красной икрой. Прямо-таки завтрак первой леди. Вот только первая леди с радостью сначала сходила бы в ванную и привела себя в порядок. Но естественно мне далеко до нее, поэтому я отмахиваюсь от правил. С моим нынешним жизненным опытом стоит быть благодарной за такой завтрак, потому что еще вчера у меня были все шансы получить на завтрак член, а не яичницу с беконом. Фу.

– Долго будешь тратить мое время? – поучительный голос Мирона отрывает меня от непрошенных мыслей, возвращая обратно в номер.

– Это все... мне? – поднимаю на него растерянный взгляд и замечаю, как он внимательно смотрит в ответ.

Почему рядом с ним я постоянно чувствую себя душой?

– Тебе, Варя, – коротко уверяет он и снова затягивается густым дымом, не переставая контролировать меня.

Беру в руки вилку и, отломав кусочек нежного белка с зажаренным беконом, отправляю в рот, а затем, практически не жуя, глотаю. Господи Иисусе! Как же вкусно! Я даже забываю о манерах и прочей ерунде и, взяв тарелку в руки, вместе с ней усаживаюсь в кресло, скрещивая ноги по-турецки. А потом с удовольствием начинаю уплетать кулинарный шедевр, пока не ощущаю, как моя щека начинает буквально гореть.

Чуть не поперхнувшись, удивленно изучаю причину замыкания внутри моего организма, потому что прямо сейчас Мирон смотрит на меня таким плотоядным взглядом, будто для него я вкуснее, чем эта божественная яичница с беконом. Невольно поправляю халат, вдруг что-то лишнее опять открылось взору этого голодного волка.

– Так и будете смотреть? – пытаюсь возразить ему, а сама в ответ рассматриваю татуировки на его пальцах с крупными перстнями и руках, насколько это позволяют рукава пиджака, но каким-то чудом одергиваю себя и возвращаюсь к своей тарелке.

Усаживаюсь поудобнее и снова отправляю вилку с едой в рот. Но уже без прежнего энтузиазма.

– Ты помнишь, что должна держаться подальше от моей дочери? – прилетает в меня рокошущая граната, и я замираю, однако его это не смущает. – В следующие выходные Ася хочет, чтобы ты поехала с нами на дачу. Но, думаю, ты понимаешь, что этого не будет?

По затянувшейся паузе становится ясно, что это не риторический вопрос и от меня ждут ответа. Поэтому я с трудом проталкиваю застрявший в горле кусок яичницы и говорю практически одними губами:

– Понимаю... – перевожу взгляд на Мирона и добавляю более уверенно: – Можете не переживать, я не горю желанием проводить время в вашей компании. Обещаю, проблем не возникнет.

Он ухмыляется.

– Хорошо, – кивает, – тогда продолжим. Я снял тебе квартиру рядом с университетом, чтобы ты смогла закончить учебу.

Что? Дым совсем затуманил ему мозг?

11

– Это слишком, – шепчу я, возвращая тарелку на стол, и невзначай провожу ладонью по волосам. – Мне это не нуж...

– Не перебивай, – строго осекает он меня, на что я лишь молча моргаю. – Ты будешь жить в той квартире столько, сколько мне потребуется. Я не ограничиваю тебя в свободе передвижения, но будь умной девочкой. Одежду и карманные деньги выдам позже. Пока на этом все.

Иглы ярости и отчаяния впиваются в мою шею со всех сторон, сковывая горло колючим ошейником.

– Из проститутки в содержанки? – с грустной улыбкой спрашиваю я, глядя мимо него в пустоту.

– Себе скажи спасибо. Иногда неплохо было бы пользоваться тем, что в твоей черепной коробке, а не спешить раздвигать ноги.

От тягучего чувства обиды в груди все мгновенно спирает и жаром горечи поднимается к шее, ударяя языками пламени прямо по щекам.

– Вы мне не отец, чтобы отчитывать, – выпаливаю, часто дыша, и подскакиваю с кресла, забывая о боли, которую перекрывает вырывающееся из меня раздражение. – Но вы правы! Да! Я сама виновата, только и вас о помощи не просила! – едва не рычу на него и уже порываюсь уйти, но...

– Сядь на место, – раздается мужской рокот, и я замираю. Сердце грохочет так, что голова идет кругом, и мне приходится шумно выдохнуть, чтобы хоть немного взять себя в руки, а потом я принимаю его команду и практически сразу выполняю ее.

Почему? Почему все именно так, черт возьми?

Раздражение, злость и беспомощность скручивают меня в своих силках так туго, что я не готова проявить и капли сопротивления. Только не сейчас. Не вижу смысла, по крайней мере, не в таком состоянии. И не с этим мужчиной.

– Почему... – спустя мгновение, первая нарушаю тишину. – Зачем я вам? – уже шепотом вымаливаю ответ с мучительной гримасой на лице, но Мирон отворачивает голову.

– Сам не знаю, – вижу, как он сглатывает, а потом равнодушно пожимает плечами и продолжает: – Поживем – увидим.

«Поживем – увидим»? Все так просто? Этот подонок знает, что не имеет права вершить чужие судьбы? Я не игрушка, черт бы его побрал, которая будет валяться на его полке до первой надобности!

Нахмутив брови, я впиваюсь в своего собеседника шокированным взглядом, но вместо того, чтобы высказать недовольство, невольно наблюдаю, как аппетитно он курит, вот как у него это получается? Пара движений мужской руки с зажатой между татуированных пальцев сигаретой, легкое движение губ, и все мое раздражение тонет в жаре, охватывающим низ живота. Мирон будто поедает самый изысканный деликатес, а не пережевывает вонючий табак.

– Ешь, – снова напоминает он мне, и, не найдя в себе силы возразить, с горечью во рту я соглашаюсь с поражением, и только через минуту начинаю макать кусочек тоста в желток и сок от бекона.

Правда мне становится легче, когда рот наполняется чем-то съедобным, я даже прикрываю глаза и пытаюсь отбросить все, что только что произошло, в сторону и насладиться вкусом свежей пищи. И у меня это получается, потому что через пару минут я вычищаю тарелку до блеска, с наслаждением слизывая с пальцев остатки вкуснятины.

– Повтори.

Я даже дергаюсь от требовательного обращения.

– Ч-что? – проглатываю остатки еды и, не отводя взгляд от напряженной позы мужчины, делаю неспешный глоток сока.

– Оближи свой палец. – Мои глаза становятся размером с блюдца, я даже не моргаю, пока глаза не начинает щипать, а когда до меня доходит смысл сказанного, пульс бросается вскачь, эхом разнося волнение во все потайные уголки моего тела. Но вопреки всему я выполняю его требование и обхватываю кончик пальца губами. – Глубже.

Ох... Проклятье, от того, с какой интонацией он это говорит, мои внутренности скручиваются тугой спиралью и устремляются прямо вниз. Прикрываю глаза и носом втягиваю дозу спасительного воздуха, вот что я за дура такая? Ничему жизнь не учит. Может я и правда непутевая? Передо мной сидит мужчина в разы старше меня, а я выполняю его извращенные прихоти, не в силах отказать. Да и разве могу я ему отказывать? Вон как смотрит, лишнее движение и набросится, обглодает до косточек... А может, я просто не хочу перечить? Может быть, рядом с ним, как бы все неправильно это не выглядело, забывается все плохое?

Нет, Варя, прекрати, этот мужчина не должен завладеть твоими мыслями!

– Достаточно! – Мирон резко обрывает меня, и я вижу, как он ударяется затылком о спинку кресла и тяжело сглатывает. – Я не садист, пока не трону тебя, – говорит так тихо, будто я не должна была это слышать.

Но я услышала.

И вот это вот «пока не трону» ни разу не приносит мне облегчения, а потом я вспоминаю вчерашнее «Теперь ты принадлежишь мне...» Принадлежу. Как вещь? Или может для него я такая же зверушка для плотских утех? Нет, не хочу этого! Да, признаю, он мне нравится как мужчина, хоть я и не должна чувствовать к нему подобное, но вот это вот желание подчинить и овладеть приводит в напряжение. Я не хочу, чтобы он видел во мне шлюху. Не желаю, чтобы использовал мое тело. Вот только проблема в том, что я сама предстала перед ним такой и теперь глупо требовать от него иного.

И все же...

– Я больше не буду спать... с вами.

Мирон бросает на меня строгий взгляд с толикой высокомерной насмешки.

– Во-первых, хватит мне выкать. Во-вторых, решения здесь принимаешь не ты. Или хочешь обратно в клуб?

Я даже замираю со стаканом в руке. Рановато я записала его в рыцари в сияющих доспехах.

И ведь смотрит же. Ответа требует, молча пригвождая одним только взглядом. Заставляет слиться с мебельной обивкой.

– Не хочу, – бурчу едва слышно и делаю глоток сока, потому что горло превращается в пустыню сахару. Мне нужно прекратить бояться его, иначе так и будет помыкать мной. – У меня есть вопросы, – решительно заявляю я, отставляя стакан в сторону, и перевожу на него все свое возбужденное внимание.

– О, у меня они тоже имеются, Бунтарка. – Мирон тушит сигарету о поднос. – Зачем тебе понадобились деньги? – Он подается вперед и пальцами подцепляет халат, притягивая меня поближе к себе. – Предупреждаю, Варя, не ври мне. У меня нет времени возиться с тобой.

– Так зачем возитесь? – сипло вылетает из меня, и я облизываю вмиг пересохшие от волнения губы, потому что его лицо слишком близко, а я слишком внимательно рассматриваю жесткие мужские черты. И молчу, крепко сомкнув губы. Ни черта он не узнает. Пусть считает, что я решила подзаработать для себя любимой. Или что я охотница за легкими деньгами. Плевать, мне не нужно его сочувствие. Правда, стоит вспомнить, что мама в критическом состоянии, и мысль о том, чтобы попросить помощи у этого мужчины уже не кажется такой абсурдной, но сомнения подбираются со всех сторон, окружая вражеским тылом. И все же нет. После всего случившегося страшно довериться, страшно, что доберутся до самого дорогого.

Это настолько личное, что мне не хочется ни с кем делиться. Особенно с ним, ведь Мирон явно связан с опасными людьми.

– Все с тобой ясно, Бантик, – подытоживает он, качая головой, пока его губы растягивает слабая улыбка, – однако похвалить тебя можно, правду не говоришь, но и врать не решилась.

– Похвалить, – недовольно фыркаю. Мне неловко, и я инстинктивно поджимаю колени к груди, бросая на него взгляд исподлобья. – Я не собака, – ерепенюсь в ответ.

Мирон громко выдыхает и поднимается с кресла.

– Я не собирался приравнять тебя к собакам. – Он нежно обхватывает пальцами мой подбородок, вынуждая посмотреть на него снизу вверх. – Они слишком умны и никогда бы не предали себя, – выговаривает абсолютно ровным и лишенным какой-либо эмоции тоном, надавливая пальцем мне на губы так, что воздух отказывается проникать в легкие. С минуту он с маниакальной потребностью еще сминая их, позволяя мне заметить, каким тяжелым становится его дыхание, но внезапно отстраняется и, сжав пальцы в кулак, быстро уходит. А я, ошарашенная культурным хамством, лишь хлопаю ресницами в такт учатившемуся пульсу и смотрю в удаляющуюся за дверь широкую спину мужчины, но вместо нее вижу его затянутые чем-то опасным глаза цвета темной патоки.

Так и сижу, сама не знаю сколько времени в одной позе, пока ломота в руках не напоминает мне о том, что пора принять обезболивающее.

Поэтому не теряя времени поднимаюсь и плетусь в ванную, чтобы выпить таблетки, после чего тут же принимаюсь обрабатывать лечебной мазью увечья на коже, те, до которых в силах дотянуться без посторонней помощи. Представляя на месте своих пальцев мужские, потому что мне понравилось чувствовать его заботу. Кажется в тот момент он не считал меня пустышкой, которую можно купить. Возможно мне это действительно только кажется. Ведь наутро Мирон все же принял привычный ему облик волка, властного и не подпускающего к себе, а только требующего. Но я не перестаю о нем думать даже спустя пару часов, когда Мирон по-прежнему не появляется в номере. А я, все еще потрясенная новыми поворотами в жизни, неспешно возвращаюсь в кровать в надежде, что хоть там у меня получится расслабиться или хотя бы забыться во сне.

Ну вот что мне делать? Позвонить? Кому? Да и телефона нет, у меня даже одежды нет, не говоря уже об обуви и понимании, где я нахожусь.

С этой невеселой мыслью я принимаю решение дождаться хоть какой-то ясности и аккуратно забираюсь под одеяло, с усталым вздохом сворачиваясь калачиком, прежде чем мое сознание укрывает мягкое покрывало сна.

Просыпаюсь от внезапного хлопка дверью, резко открываю глаза, но лежу неподвижно, лишь часто моргаю и прислушиваюсь к постороннему шуму, однако в ответ лишь тишина.

Становится не по себе от мысли, что за мной кто-то наблюдал. А когда присаживаюсь на кровати, убеждаюсь в этом, потому что замечаю на прикроватной тумбе свой телефон. Откуда? Хотя какая разница. Главное, что у меня появилась какая-то связь с внешним миром.

Наклоняюсь, болезненно морщась от причиняющего неудобства движения, и беру его в руки, начиная быстро порхать пальцами по экрану, с ужасом обнаруживая десятки звонков от Аси, Антона и... врача мамы... Нервно сглотнув, пытаюсь понять, какой сегодня день недели и незамедлительно набираю номер последнего...

12

– Добби свободен, – раздается крик подруги, прежде чем я вижу, как она бежит ко мне с зачеткой. – Мы это сделали! – Ася прыгает мне на шею, цепляясь ногами за мои. – Боже, Гронская! Мы просто обязаны сегодня же отметить! Надеюсь, ты к Киру нормально оденешься? Всю неделю таскаешься в джинсах и бадлоне, – с обвинением прилетает мне, когда она наконец отпускает меня и позволяет спокойно вздохнуть. – Эй, ты чего такая кислая?

– Я наверное не поеду, – заламываю руки. – Отец уже неделю не пьет и сегодня собирался устроить для меня небольшой праздник в честь окончания учебного года, – нагло вру я и улыбаюсь сквозь слезы, которые, надеюсь, подруга примет за слезы счастья.

– Варь, – Ася заглядывает в глаза, положив ладони мне на плечи. – Я очень рада, что у тебя в семье все налаживается, правда! Очень, очень! И мама моя тоже! Хотя ты всегда можешь заезжать к нам в гости, нам тебя не хватает. Ты как-то что ли резко отдалилась и мне сложно привыкнуть... – ее лицо мрачнеет, после чего она обижено поджимает губу и отстраняется. – После университета сразу домой сваливаешь, на звонки практически не отвечаешь, да и не пишешь даже...

Проклятье! Ну вот зачем она мне это говорит? В носу начинает жечь, а горло будто скручивает колючей проволокой, прежде чем я внезапно поддаюсь душераздирающему желанию обнять подругу и уже через мгновение прячу слезы у нее на плече. Я не достойна быть ее подругой, не достойна сидеть с ней и тетей Олей за одним столом. Больше нет! Если бы она только знала, как меня душат ее слова, как мне стыдно, что я так резко отдалилась, так и не найдя причину, которую могла бы ей озвучить. Потому что я нахожусь между молотом и наковальней, прекрасно понимая, что когда-нибудь моя ложь разрушит ни одну жизнь.

Я действительно всего лишь грязная лужица...

– Ва-а-арь, ты чего?

– Ничего, – быстро слетает с моих дрожащих губ, и я отстраняюсь, вытирая заплаканное лицо и всхлипывая носом. – Все нормально. Я... я просто устала. Не хочу шумных веч...

– Ну что девчонки! Решили зачетки слезами обмыть?! – внезапно вклинивается вовремя подошедший Антон, и я даже облегченно выдыхаю. Отпала необходимость оправдывать свои слезы, потому что он забирает все внимание на себя, нависнув на наших плечах и стискивая нас в объятьях. – Вечером у Кира?

– Ага, – недовольно ворчит Ася и скидывает с себя его руку. – Только Гронская сливается. Спасибо, Ася! Подруга, блин!

– Что, серьезно? – ощущаю, как кожу на щеке начинает печь. – Варь, ты мне поход в кино еще должна, помнишь?

– Забудешь с вами. – Тоже избавляюсь от объятий Антона. – Ребят, прошу не обижайтесь! Но я пас...

– Не прокатит, Гронская! Обижусь! Но так и быть! – Ася грозно тычет в меня пальцем. – Сегодня у тебя уважительная причина, а вот завтра у тебя не будет предлога увиливать, потому что мы отметим окончание на даче с моим отцом!

– Ася, я... – на секунду прикрываю глаза, ощущая привкус своего провала – Я не знаю, – качаю головой. – Поговорим об этом завтра, ладно?

Ненавижу врать! Терпеть не могу, но в последнее время только этим и занимаюсь!

В ответ подруга лишь закатывает глаза и фыркает. Но слава богу, Антон отвлекает ее расспросами о вечеринке, когда в моем кармане вибрирует телефон. Я уже знаю, что это Виктор, водитель, которого мне дал в личное пользование Мирон. Пристрелите меня!

– Блин! Телефон разрядился! – ворчит и без того недовольная Ася. – Есть у кого Убер?

– Есть ключи, – Антон демонстрирует связку на пальце. – Моя машина сойдет?

– Отлично! Варь, ты с нами?

С минуту я мысленно борюсь с сотнями «НЕТ», но взгляд Аси действует на меня так, как и всегда...

– Хорошо! Если у Антона лишний бензин, я не против! – сдаюсь я и, получив одобрительный кивок от подруги, вместе с друзьямидвигаюсь в сторону парковки, на ходу печатая сообщение Виктору:

«Задерживаюсь. Доберусь сама. Спасибо»

Под шумный вздох прячу гаджет обратно в карман и запрыгиваю на заднее сиденье красного спорткара. Но вместо того, чтобы поддерживать бурную беседу о предстоящем вечере, на котором, кстати, меня не будет, погружаюсь в невеселые мысли.

Неделя. Я не видела его неделю. И даже не знаю, когда он соизволит почтить меня своим присутствием. А я в нем нуждаюсь, потому что хочу понять, миновала ли меня опасность в лице Орлова. Такие люди просто так ведь не отпускают? По крайней мере, водитель Ягумнова четко дал понять, что мне не стоит сходить с предложенного маршрута. Не зря все эти дни он забирал меня из универа и отвозил туда, куда мне требовалось. Правда кроме съемной квартиры мне и некуда было поехать. Разве что только в больницу. В тот день врач позвонил мне, чтобы поблагодарить за своевременно перечисленные средства на операцию, которая уже спустя три дня прошла успешно. Но навещать маму все еще не разрешают, только через специальное стекло, потому что малейшая пылинка может спровоцировать рецидив. Боюсь, что стерильные условия, в которых нуждается моя мама, не позволят мне быстро забрать ее домой. Не туда, где отец регулярно устраивает попойки, а может чего и хуже. Как же я устала. В голове сотни вопросов и ни одного ответа, особенно меня интересует, откуда появилась полная сумма? Неужели Орлов сдержал слово? Но с чего бы это? Бред! В моей голове один сплошной бред!

13

Но мне приходится оторваться от размышлений, когда Ася расцеловывает меня и выскальзывает из салона машины, а я встречаюсь взглядом с Антоном, который кивком указывает мне на переднее сиденье. И я перебираюсь, замечая на красивом лице парня хитрую ухмылку, отчего в груди все наполняется таким теплом, что хочется посмеяться. И только сейчас я понимаю, как же мне всего этого не хватало. Так я и еду всю дорогу под бесконечные разговоры и шутки с Антоном, даже успеваю поймать себя на том, как залипаю на его ямочках на щеках и крепких руках, сжимающих руль машины. Но тут же отгоняю от себя мысль, что когда-то я хотела задохнуться в этих руках. До того, пока не отдала свою невинность взрослому мужчине...

– Приехали! – парень поворачивается в мою сторону, позволяя заметить натренированные мышцы под свободной футболкой. – Уверена, что вечером не поедешь с нами?

– Уверена, – киваю и посылаю ему теплую улыбку. – Спасибо тебе, Антон.

– За что? – усмехается тот, повисая на руле.

– За все... – запинаясь, но все же говорю слова, что буквально прожигают мой язык: – Я скучала.

Антон несколько секунд шурится, а потом подается мне навстречу.

– Останься со мной, Варь. Если хочешь, я не поеду к Киру? – он ласково заправляет локон моих волос и проводит костяшками пальцев по щеке, вынуждая войско мурашек взбунтоваться на моем затылке. – Нравишься ты мне, Гронская. И уже давно. – Смотрит мне прямо в душу, а я и позволяю. – Чего молчишь, мелкая?

– Да так. – Провожу вспотевшими ладонями по бедрам, не в силах скрыть волнение, и увеличиваю между нами дистанцию. Ни к чему нам это. Я даже не знаю, что ему ответить и благодарю, что Антон не просит от меня этого. – Ну, если что, звони. Хорошо вам погулять. – Чмокаю его в щеку в надежде скорее сбежать, но отстраниться мне не позволяет сильная рука на затылке и губы в опасной близости от моих. – Не надо... – единственное что я успеваю выдать из себя, прежде чем мой шепот утопает в горячем поцелуе.

В груди взрывается электрический разряд, жая меня во все нервные окончания, и я поддаюсь натиску друга, даже сама не замечая, как запускаю язык ему в рот, обжигаясь гортанным стоном парня. А потом все начинает выходить из-под контроля. Страсть накрывает с головой, прежде чем его губы спускаются ниже, а ладонь пробирается под задницу, крепко сжимая ее.

– Антон... остановись... – принимаю слабую попытку протрезветь от этого сумасшествия, но он не разрешает, перемещая ладонь мне на затылок и сминая его. – Антон, – выдыхаю я силным от возбуждения голосом, пока он оставляет укусы на моей шее. – Антон, хватит! – с усилием выкрикиваю и парень замирает, тяжелым дыханием опалая мою кожу. Я и сама едва дышу, пока жар охватывает все тело.

– Сколько ты еще будешь мучить меня, Варь. – Проникновенно заглядывает в глаза, а мне заскучить охота, потому что понимаю, нельзя мне быть рядом с ним. Особенно сейчас. – Мелкая, – тянется снова, но я отталкиваю. Резко и грубо, так же как и срываются с моих губ следующие слова:

– Ты не в моем вкусе, понял?

Не дожидаясь ответа, я выпрыгиваю из машины и с бешено стучащим сердцем оглядываюсь, не пошел ли он за мной, после чего торопливо следую на автобусную остановку, потому что теперь мне нужно пилить обратно в центр города. Ну не могла я спалиться, раскрыв, что у меня квартира в центре, посыпались бы новые вопросы. И не дай бог, Ася узнала бы, еще хуже, в гости бы напросилась, а в сложившейся ситуации мне это нужно меньше всего.

Погруженная в собственные страдания, весь остаток дороги я сижу, прислонившись к окну запотевшего автобуса, и позволяю тихим слезам обжигать щеки.

Ну конечно же, мне нравится Антон. Как он может не нравиться? Высокий брюнет спортивного телосложения с красивыми губами, которые я даже пробовала. На вкус они мягкие и теплые, совершенно не такие, как у Мирона. Жесткие. Грубые. Требовательные. Почему он? Почему? Почему я не могла остаться сейчас с Антоном? Дура, дура, дура! Бьюсь лбом о стекло и зажмуриваюсь до вспышек в глазах. Не могу поверить, что все это происходит со мной. Мне девятнадцать, а я по уши в дерьме.

На улице снова дождь. И стоит мне выйти из автобуса, как холод пробирает меня до костей. Но мне плевать, наверное сейчас именно это мне и нужно. Я даже не пытаюсь бежать или укрыться от ливня, а просто иду под сигналы проезжающих мимо машин, одна иномарка даже окатывает меня водой из лужи. Все как и должно быть. Я грязная, и даже дождь не в силах смыть эту грязь. Смыть мою сущность.

Даже не замечаю, как преодолеваю лестничные проемы, отказавшись от лифта, и как захожу в пустую, холодную квартиру. Но дальше коридора не двигаюсь. Там и ударяюсь затылком о стену, беспомощно сползая вниз. Потому что снова и снова думаю, что обидела Антона. А ведь он не заслужил этого.

– Как покаталась? – раздается из глубины темной квартиры мужской голос, а я перестаю дышать, позволяя тревоге скрутить себя по рукам и ногам. Мирон. Что он здесь делает?

Мирон медленно приближается и останавливается в шаге от меня, держа руки в кармане брюк. А я как грязный, забившийся в углу котенок, смотрю на него снизу вверх, и кажется задыхаюсь от испуга. Вот только еще злюсь, испытывая противоречивые чувства из-за его внезапного возвращения в свою жизнь, да и вообще за то, что он просто есть. Однако нельзя отрицать, что я по-прежнему считаю этого опасного мужчину идеально красивым. Так же как и понимаю, что он спас меня. Только это не дает ему никакого права диктовать, как мне жить дальше. Но видимо Мирон считает иначе.

Будь он проклят!

Хмурюсь и поджимаю колени к груди, когда он протягивает мне свою огромную руку, однако, помешкавшись, все-таки принимаю его помощь и поднимаюсь в вертикальное положение, тут же оказываясь в западне синих глаз, но не выдерживаю и секунды.

– Я очень рада, что вы решили почтить меня своим присутствием, но я устала и хочу спать, – нарушаю сгустившуюся тишину и принимаю попытку шагнуть в сторону, но резкая хватка на затылке возвращает меня в воронку синих глаз, а точнее на их дно, закрывая просвет плотным слоем ила.

– Ты не ответила на мой вопрос. – Мирон перемещает взгляд на мою шею и только когда я вижу, как он прищуривается, осознаю, что именно он видит. – Тебе понравилось?

Тяжело сглатываю, ощущая, как горячий румянец поднимается к моему лицу, но молчу.

– Давай я тебе напомню, если вдруг ты забыла, – Мирон оттягивает мою голову назад, прежде чем резко приникает к шее и всасывает кожу так сильно, что острая боль ударяет горячей молнией прямо мне в промежность. О, нет, до такого Антон точно не дотягивает, по крайней мере, мой пульсирующий клитор сходит с ума, будто я впервые узнаю о его существовании, в то время как жадный рот по новой присасывается к шее и кусает, сбивая напрочь все дыхание. – Тебе нравится? Или с ним было лучше? – приглушенно рычит мне на ухо и сильнее сжимает мои волосы, рывком направляя меня в сторону ванной. А я едва не спотыкаюсь о порог, перед тем как снова ощущаю хватку на затылке, а после замерзшее тело омывает теплым, даже горячим потоком воды.

Я даже не сразу нахожусь с ответом, с минуту рвано хватая воздух, пока озноб сменяется колючим жаром. Но стоит мне увидеть возвышающегося надо мной Мирона, как паника по

новой бьет ключом. Находиться с ним наедине, а тем более в душе весьма опрометчиво, особенно когда через мгновение пуговица на моих джинсах со звоном расстегивается.

– Отвали! – изо всех сил пытаюсь вырваться, пока он сдирает с онемевших ног промокшие джинсы и, взбесившись от моего сопротивления, с рычанием направляет душ прямо на меня. – Не... Ненавижу, – выкрикиваю сквозь кашель. – Ненавижу!

Изворачиваюсь и влепляю ему пощечину, но мне мало, ладонь зудит, требуя еще, и я снова делаю это, хлестаю по лицу и плечам, пока меня не впечатывают лопатками в стену. Вот же... Глотаю стон боли и на мгновение замираю, не в силах справиться со сбитым дыханием.

– Дрянь! – рычит прямо в губы и обхватывает пятерней за горло. – Никто, слышишь! Никто не имеет права прикасаться к тебе, ты моя! Уяснила? Я заплатил за тебя! Я спас твою шкуру! Я! – сдавленно цедит он, царапая мне щеку жесткой щетиной, а потом задирает мои руки над головой. – Никому не отдам! – предупреждает, клеймя мучительной близостью и прожигая яростным взглядом в самые глубины сердца, а в доказательство припечатывает меня своим каменным телом в холодный кафель.

– В таком случае, – нервно облизываю губы, – лучше бы я сдохла!

– Дура! – выдыхает с какой-то горечью и кусает мою нижнюю губу до звонкого стога, который сразу же проглатывает жадным ртом, впившись в мой. – Сдохла бы, если не я, – заявляет с пугающей хрипотцой в голосе, сильнее сжимая мое дрожащее тело грубыми руками, а потом рывком избавляет меня от промокшего насквозь бадлона, причиняя мне боль, которая уже в следующую секунду тонет в жарких ладонях, сминающих мое горячее от мужской близости тело.

Нет, мне не может нравится такое! Не может! Но его губы, пожирающие мои стоны, доказывают обратное.

14

Мысли лихорадочно мечутся, кружа мне голову своим буйством в попытке зацепиться хоть за какой-то отросточек разума и вытянуть меня из омуты сексуального рта, но ничего подобного не происходит.

И вместо того, чтобы оттолкнуть, я лишь беспомощно царапаю его широкие плечи сквозь мокрую ткань рубашки, оглушая сама себя собственными стонами от того, с какой яростью во мне орудует его дикий язык, выбивая из легких последние клочки воздуха.

Этот мужчина уничтожает остатки здравомыслия, разрывая меня на мельчайшие крупы плавающего отчаяния, подобно буре, сметающей все на своем пути или смерчу, вырывающему с корнем мой мозг. Пока внезапно мне не дарят возможность сделать спасительный глоток кислорода, и словно сквозь слой ваты я слышу гортанное рычание Мирона, оторвавшегося от моих искусанных губ.

Секунда, две, три и мой взгляд фокусируется на мужчине, гнев на лице которого через мгновение сменяется болезненной гримасой.

«Неужели я так плохо целуюсь?» – непрошенный вопрос проносится вихрем в голове, повергая меня в очередное смущение, но я забываю обо всем, когда две шероховатые ладони сжимают мои ягодицы и прижимают мой живот к внушительному бугру. Прежде чем я понимаю что происходит, Мирон сталкивает нас лбами, опалая мои губы резким выдохом.

– Предупреждаю, Варя, – хрипит он, все еще удерживая меня на месте, как безвольную куклу. – Еще раз увижу с тобой этого пиздюка, переломаю ему пару позвонков. – Теперь он еще сильнее вонзает пальцы в мою плоть, до легкой боли и жжения на коже, безмолвно доказывая мне, что я действительно принадлежу лишь ему. Но как только смысл сказанных им слов доходит до заплывшего туманом похоти мозга, я отстраняюсь. Нет, отшатываюсь как от яркого огня. Вот только Мирон не позволяет мне этого сделать, вновь увлекая в пекло поцелуя.

Потерянная в пламени безудержной страсти этого мужчины, я совершенно не понимаю, сколько проходит времени, прежде чем слышу его шумное и тяжелое дыхание. Чувствую, как пульсирует под его сильными пальцами моя обнаженная кожа, а после вижу темно-синие, практически черные, как ночная мгла, глаза.

– Вы... – сглатываю, часто моргая от льющейся по лицу воды. – Вы не причините ему боли.

– Уверена? – с ложным спокойствием интересуется он и приникает к моему уху порочными губами. – Из-за тебя, Бантик, я уже убил пару человека и этот соплик не станет исключением.

От услышанного все мое тело сжимается, как от удара, позволяя нарастающему внутри страху парализовать собственный язык.

Теперь эти варварские руки кажутся клеймом. Обжигающим до костей. Разъедающим каждый миллиметр моей плоти, пока я горю в капкане его остервенелых объятий.

– Нет, – шевелю одними губами, все еще часто дыша от ужаса и неверия, что это правда. – Зачем вы все это делаете? – мой голос шелестит чуть громче шума льющейся воды. – Что мне сделать, чтобы вы оставили меня в покое? Или оставьте сами! Потому что я не смогу дать вам то, что вы хотите! – цепляюсь дрожащими пальцами за его мокрую рубашку, едва сдерживаясь, чтобы не начать колотить каменную грудь.

Мирон раздраженно сжимает челюсть, но не произносит ни слова, лишь выжигает горящими синими льдинами мое хрупкое сердце.

– Прекратите пугать меня! Вы ведь на самом деле не такой. У вас добрая душа... – пытаюсь сменить гнев на милость, совершенно не зная, как себя вести, с мужчинами ведь так нужно? По-хорошему? Вот и я мурлыкаю, как послушная кошечка, полностью отказываясь

от каких-либо разумных действий, привстаю на носочках и обхватываю руками колючее лицо мужчины. – Не нужно быть со мной грубым... Отпустите и я исчезну.

Но он обрывает глупый поток слов, небрежно скидывая с себя мои руки. И я закусываю щеку до яркой боли, желая стереть из его памяти мою ласку, которую он отверг.

– Я эгоистичный ублюдок, малышка, не жди от меня ничего и не питай никаких иллюзий. Я трахаю тебя, ты получаешь деньги. – Жесткие пальцы хватают за подбородок и удерживают так, чтобы я не улизнула от проникновенного взгляда волчьих глаз. – Ты ведь хотела хорошей доли? Учеба? Новая жизнь? Я дам тебе все это. Но для начала, деточка, надо поработать.

– Я не хочу так... – качаю головой, срываясь в пропасть истерики. – Не хочу быть содержанкой отца своей подруги! Тирана и убийцы! Я хочу жить, так как хочу, делать выбор сама, падать и ошибаться, но все сама! А вы считаете меня глупой куклой! Управляете мной, совершенно не думая о том, что чувствую я! Когда сами целую неделю даже не появлялись! И оказывается следили за мной, а теперь явились и требуете отказаться от общения с другом?

– А ты считаешь себя умной? – с презрением подмечает он, игнорируя все сказанное. – Ты один раз уже упала и если бы не я, не встала бы с колен.

Горечь разочарования слишком заметно оседает на дне души, я навсегда останусь для него девушкой из клуба. Но самое ужасное в том, что мне не все равно, как смотрит на меня этот мужчина. Мне хочется быть для него лучше, и я не могу ответить почему. Просто хочется. Может потому что за долгое время он единственный, кто решает за меня проблемы, в которые я сама влипла? Я ведь действительно не просила.

– Теперь до конца жизни будете попрекать меня моим поступком?! – произношу я с грустной ухмылкой на губах. – Это ведь проще простого клеймить девушку шлюхой, ничего не зная о ней? Да, это выглядит так, но, если бы у меня был другой выбор, я бы никогда не оказалась в тех стенах! Никогда! – моя грудь сокрушается от судорожного вздоха. – Но у вас ведь все просто? Вешаете ярлыки, даже не разобравшись?

– У меня все реально, Варя.

Я с трудом сглатываю и зарываюсь лицом в ладони, а потом заставляю себя посмотреть на него и все же попытаться достучаться до его разума.

– Как бы мне не были нужны деньги, я вынуждена отказаться от них. Ваша жена сделала для меня слишком много... я не могу встать у нее на пути. Ася тоже хочет, чтобы вы вернулись в семью, к маме и к ней. Я не могу мешать этому, это не правильно...

– А торговать своим телом правильно? – выпаливает осуждающим тоном и сжимает меня за талию так, что я со стоном выгибаюсь, снова попадая под прицел его яростных глаз, еще мгновение и я рассыплюсь пеплом. Особенно когда чувствую, как его жаркое дыхание становится тяжелее, но, скрепя зубами, он все же убирает от меня руки, упираясь ими по обе стороны от моей головы. – Или думаешь, если бы я хотел вернуть жену, ты бы мне помешала? – Мирон отворачивает голову, кивая в такт своим мыслям и нервно выпячивая нижнюю губу, прежде чем резко приближается к моему лицу. – Давай я сейчас сразу объясню тебе все по существу. И больше никто из нас не будет возвращаться к этой теме. Мне плевать на свою жену, Варя, и уже давно. Но вот Ася мне дорога и только поэтому я терплю Ольгу. Я люблю свою дочь, но плясать под их дудку не собираюсь. Всегда делал и буду делать то, что хочу. Мои желания для меня превыше всего и срать я хотел, что так не правильно! Даже если моим желанием стала глупая девчонка! И хватит мне выкать! Формальности мы давно нарушили, – раздраженно выпаливает Мирон и, переместив широченную ладонь мне на грудь, оттягивает пальцами мой сосок, напоминая, что я полностью обнажена перед этим зверем, доказывая, что мне нравится такое обращение.

А я позволяю ему и дальше истязать свою грудь жадными пальцами до первых стонов, которые не в силах больше сдерживать. Снова сдаюсь и презираю себя за то, что плавлюсь

от этой мужской грубости. Принимаю ту реальность, о существовании которой раньше и не догадывалась. И не должна была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.